

Двурядъ 1850
Заб.

150
57
222

801-16
1169

ВОТЯКИ

ИХЪ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

Бытовые и этнографические очерки.

29/36-382

О современном бытѣ вотяковъ было мало писано, и до сихъ поръ въ нашей литературѣ не существуетъ ни одного сколько-нибудь полнаго и обстоятельнаго описанія ихъ внутренней жизни, нравовъ, характера, вѣрованій, обрядовъ и пр. Изъ сочиненій стараго времени укажемъ на драгоцѣнный трудъ извѣстнаго академика Миллера: «Описаніе живущихъ въ казанской губерніи инородцевъ, яко-то: вотяковъ, черемисъ и чувашъ» (Спб. 1795). Въ новой же литературѣ заслуживаетъ вниманія трудъ г. Риттиха: «Этнографическое пслѣдованіе казанской губерніи (Казань, 1870) и г. Островскаго: «Вотяки казанской губерніи», въ «Трудахъ казанскаго общества естествоиспытателей» (IV выпускъ, Казань, 1874); но первый посвятилъ вотякамъ не болѣе десятка страницъ, а послѣдній писалъ по преимуществу о вотякахъ казанской губерніи, которые, вслѣдствіе близкаго сосѣдства татаръ и черемисъ, многое переняли отъ послѣднихъ и утратили нѣкоторыя изъ своихъ бытовыхъ чертъ. Такая бѣдность нашей литературы въ отношеніи этихъ инородцевъ, съ одной стороны, и наше близкое, долговременное знакомство съ ними какъ уроженца того края — съ другой, побудили насъ сдѣлать опытъ къ пополненію пробѣла въ этнографіи племени,

живущаго на востокѣ европейской Россіи въ числѣ 275,000 человекъ, изъ которыхъ 10,000 остаются въ язычествѣ и по настоящее время, живя столѣтіями боже-о-боже съ христіанскою культурою.

I.

Нѣсколько словъ объ исторіи вотацкаго племени. Негостеприимный сѣверъ европейской Россіи и теперь еще занятъ различными отраслями громадной нѣкогда финской семьи, составляющей, по мнѣнію большинства финнологовъ (Кастренъ, Кенпенъ и др.), посредствующее звено между славянами и монголами. Было время, когда всѣ эти народы жили гораздо южнѣе нынѣшняго, занимая предѣлы средней Россіи; но постоянно отгнанные новыми пришельцами, прежде всего греками, затѣмъ славянами, монголами и турко-татарами, они должны были отступать шагъ за шагомъ далѣе къ сѣверу, гдѣ сама природа — непроходимые болотистые лѣса, голыя тундры и условія климата — послужила имъ естественной защитой отъ другихъ болѣе сильныхъ племенъ. Только на далекомъ сѣверѣ подъ естественной защитой условій мѣстности и климата, финское племя могло сохранить свой типъ и племенную независимость. Другія отрасли того же племени — Весь, Меря, Мурома и Мордва, оставшіяся ближе къ новому центру славянъ, должны были по необходимости придти въ столкновение съ послѣдними и, представляя болѣе слабый элементъ, естественно должны были или выродиться, или слиться постепенно съ славянами. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось. Три упомянутые народа: Весь, Меря и Мурома — совершенно исчезли, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ своего существованія; а Мордва быстро идетъ къ вырожденію. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ русскаго населенія къ сѣверу можно думать, что и другія финскія племена подвергнутся той же участи.

Въ далекія, до-историческія времена, вслѣдствіе ли внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, народы, населяющіе среднюю Азію, пришли въ движеніе; послѣ чего по склонамъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ, по хребтамъ Алатау и по верховьямъ великихъ бассейновъ Иртыша, Оби и Енисея является громадное племя Чудь, которое въ настоящее время считается за прародителя всѣхъ финскихъ народовъ. Протекали вѣка — и Алтайскія и Саянскія горы уже не помнятъ Чуди. Только рука современнаго человека въ густыхъ и мрачныхъ лѣсахъ Сибири на простран-

ствѣ отъ Енисея до восточнаго склона Уральскихъ горъ и въ бѣлкахъ Алтая открываетъ ясныя слѣды этого громаднаго племени. На всемъ этомъ пространствѣ разбросаны такъ-называемыя Чудскія копи и могилы, оставшіяся историческими свидѣтелями не только существованія Чуди, но и высокой степени культурнаго развитія, какого достигъ народъ, населявшій эту страну еще во времена глубокой древности. Богатство благородными металлами горныхъ мѣстностей представляло, повидимому, всѣ благоприятныя условія для развитія здѣсь обширной горной промышленности, которая, по словамъ Геродота и Страбона, составляла долгое время одинъ изъ важныхъ предметовъ торговли этихъ странъ съ черноморскими греческими колоніями. Но послѣ вытѣсненія изъ этихъ мѣстъ Чуди, вѣроятно, татарскими племенами, рудопроизводство здѣсь совершенно прекращается, такъ какъ послѣдніе вовсе не были рудокопами; и только со временъ царя Ивана Васильевича, въ 1573 году, русскіе возобновили здѣсь добываніе и разработку золота и серебра. Замѣчательно, что болѣе или менѣе богатые рудники въ настоящее время были уже обрабатываемы Чудью; русскіе въ открытіи рудниковъ шли, такъ сказать, по слѣдамъ послѣдней. Такъ открыты богатѣйшіе рудники этой мѣстности, Зырянскій и Змѣиногорскій. Далѣе по всей западной сторонѣ Урала находятся многочисленныя мѣдныя чудскія копи. Самые богатые рудники — Тетярскіе, Васильевскіе, Чалтуртукскіе и др. имѣютъ свое начало также со временъ Чуди; послѣдней была извѣстна даже выплавка мѣди, что доказывается остатками плавильныхъ печей по всѣмъ склонамъ Урала (Эйхвальдъ). Кромѣ того, по всей мѣстности отъ Урала до Алтая и въ особенности по склонамъ послѣдняго до сихъ поръ встрѣчаются чудскія могилы, на которыхъ возвышаются курганы или грубыя каменные изваянія на подобіе истукановъ съ лицомъ, обращеннымъ въ востокъ, слывущія въ народѣ подъ названіемъ «каменныхъ бабъ». Подобныя же изваянія встрѣчаются и по всей южной Россіи, гдѣ онѣ поставлены, по мнѣнію Эйхвальда, вѣроятно, въ болѣе позднее время. Какъ самые курганы, такъ и отрываемыя здѣсь серебряныя и золотыя вещи, а также барельефы на чашахъ, вазахъ и амулетахъ, и до сихъ поръ носимыхъ на груди потомка Чуди — эста; наконецъ, самые скелеты, отрываемые въ могилахъ, — все это, несомнѣнно, чудскаго происхожденія. Изъ археологическихъ изысканій ясно, что здѣсь именно въ мѣстности отъ Алтайскихъ и Саянскихъ вплоть до Уральскихъ горъ впервые получило осѣдлость финское племя — Чудь и еще въ глубокой древности достигло высокаго культурнаго развитія.

Изъ этой мѣстности различныя чудскія племена, вѣроятно стѣсняемые сосѣдными народами турко-татарскаго племени, должны были направиться къ западу въ предѣлы Европейской Россіи. О самомъ фактѣ переселенія, равно какъ объ его причинахъ—прямыхъ указаній не существуетъ. Одно лѣтописное китайское сказаніе, правда, говоритъ, что блѣднорусскій народъ, по имени Узунъ, который этнографы принимаютъ за финновъ, сначала поселился по верховьямъ рѣкъ Оби и Енисея вплоть до Байкальскаго озера, а потомъ былъ вытѣсненъ изъ мѣста своего жительства въ Киргизскую степь. Поселившись здѣсь около озера Балкаша, Узунъ снова укрѣпился подъ управленіемъ своихъ князей. Въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х., вѣроятно, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ одна часть Узунъ должна была перекочевать къ Иртышу, а другая осталась на р. Сыръ-Дарьѣ. Есть и другія, болѣе или менѣе баснословныя сказанія о переселеніяхъ этихъ племенъ... Такъ или иначе, но нельзя думать, чтобы переселеніе многочисленныхъ финскихъ племенъ, укрѣпившихся въ изобильной природными богатствами странъ и достигшихъ своего высокаго культурнаго развитія, могло совершиться добровольно. Всего вѣроятнѣе, что только послѣ долгихъ стѣсненій и безуспѣшной борьбы эти народы согласились промѣнить свои богатыя земли на дикія и пустынные мѣста тогдашней средней и сѣверной Россіи, гдѣ они и одичали. Полагаютъ, что первыми вышли ливы, за ними двинулись эсты, занявшіе берега восточной Балтики. Далѣе выступила Водь, которая достигла береговъ Камы и Вятки въ то время, когда Эсты уже дошли до Балтійскаго побережья. За Водью двинулись и остальные финскія племена, «заднія тѣсна переднихъ»: Вель, Меря, Мари, Муромы и др.

Памятниками этого великаго переселенія Чудскаго племени могутъ служить многія мѣстныя названія, указывающія на происхожденіе отъ Чуди. Такъ, въ пермской губерніи считается четыре такихъ селенія: село Чудово въ камышловскомъ уѣздѣ, Чудиново, Чудское и деревня Чудиновская въ оханскомъ уѣздѣ; въ оренбургской губерніи—село Чудиново челябинскаго уѣзда и т. д. Всѣхъ мѣстъ съ подобными названіями, означающими направление переселенія Чуди, извѣстно 36, по Яновскому. Кроме того, Риттихомъ указаны еще два поселенія въ казанской губерніи и мнѣ извѣстно два такихъ поселенія съ названіемъ Чудиновка въ вятской губерніи, такъ что всѣхъ поселеній съ чудскимъ названіемъ существуетъ, по настоящимъ свѣдѣніямъ, около 40 въ 20 губерніяхъ.

Мѣстности, въ которыхъ остались селенія съ сохранившимися чудскими названіями, располагаются, какъ легко можно замѣтить, по двумъ главнымъ направленіямъ—одно на сѣверо-западъ, куда входятъ губерніи: оренбургская, пермская, вятская, казанская, вологодская, костромская, нижегородская, ярославская, владимірская, московская, тверская и новгородская, другое направленіе—юго-западное, куда входятъ остальные восемь губерній—пензенская, орловская, тамбовская, кievская, полтавская, могилевская, волынская и подольская. По первому направленію, какъ можно думать, прошли: ливы, эсты, водь, черемисы, вель, муroma и другія финскія племена, населяющія сѣверную Россію; по второму вѣроятно—мадьяры, аланы, готы и мордва. Такимъ образомъ финны, выслѣдившись со склоновъ Алтая, заняли первоначально среднюю и южную Россію и оставались здѣсь, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока славяне, двигавшіеся въ сѣверномъ направленіи, не отодвинули ихъ дальше къ сѣверу. Но если такимъ образомъ давать вѣроятіе предположенію, что финскія племена прежде всего заняли среднюю и южную Россію, то является вопросъ: гдѣ же, такъ сказать, вещественныя доказательства существованія Чуди на югѣ Россіи, кромѣ указанныхъ мѣстныхъ названій, т.-е. возможно ли найти подтвержденіе существованія здѣсь Чуди въ археологическихъ изысканіяхъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ важныя изслѣдованія Эйхвальда о древней географіи южной Россіи: онъ говоритъ, что Чудь и Скиѳовъ, судя по мѣстожительству и названію (Scythae, Thuidi), слѣдуетъ принять за одинъ и тотъ же народъ. Такимъ образомъ всѣ тѣ безчисленныя археологическія древности южной Россіи, какъ могилы, курганы и каменные бабы съ чапами, постройка которыхъ приписывается Скиѳамъ, могутъ считаться памятниками одного великаго племени—Чуди.

Водь или вотяки, какъ одна изъ отраслей этого племени, вышла, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ другими финскими народами изъ той же при-Алтайской мѣстности, причемъ одна часть Води, вѣроятно, вышедшая изъ своей родины вслѣдъ за ливами, направилась до нынѣшней петербургской и новгородской губерній, гдѣ и теперь осталась весьма незначительная часть ея въ Ямбургскомъ уѣздѣ (Вотская Пятинка); другая же часть Води, выслѣдившаяся, какъ можно думать, гораздо позднѣе, дошла до Прикаспійской степи и здѣсь поселилась преимущественно по рѣкѣ Кумѣ, откуда она уже позднѣе должна была переселиться сѣвернѣе въ предѣлы нынѣшней казанской и вятской губерній. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ 1735 году, академикъ Миллеръ, путе-

шествуя по Сибири, открылъ слѣды «аринцевъ» или вотяковъ въ красноуфимскомъ уѣздѣ, о которыхъ упоминаетъ и Страленбергъ. Миллеръ встрѣтилъ здѣсь единственнаго старика—Аринца, пережившаго свое племя. Послѣдній говорилъ еще на своемъ аринскомъ языкѣ и сообщилъ, между прочимъ, что именемъ ари прозвали ихъ сосѣди—татары ¹⁾ и что предки его жили нѣкогда къ западу отъ р. Енисея, отъ устья р. Кача до пороговъ, которые въ настоящее время служатъ рубежомъ между енисейскимъ и красноуфимскимъ уѣздами. Со словъ того же старика записано Миллеромъ цѣлое сказаніе объ изгнаніи аринскаго народа изъ своей родины змѣями, подъ которыми слѣдуетъ понимать, конечно, враговъ-пришельцевъ. Такую странную форму могло принять народное сказаніе, вѣроятно, потому, какъ думаетъ Эйхвальдъ, что еще и теперь въ богатыхъ мѣстностяхъ при-Алтайской страны змѣи составляютъ настоящій бичъ для мѣстныхъ жителей. При копаніи шахтъ, на примѣръ, часто приходится нанимать работниковъ сначала только для очищенія мѣстности отъ змѣй (отсюда названіе Змѣиногорскаго рудника). Вѣроятно ари-вотяки точно также, какъ и всѣ чудскія племена, должны были покинуть свои поселенія въ этой мѣстности и двинуться далеко на западъ вслѣдствіе стѣсненія или нападенія со стороны сосѣднихъ народовъ монголо-татарскаго происхожденія. Сами вотяки называли себя Удь или Одъ-Муртъ. Удь или Одъ есть собственное имя, а муртъ есть имя нарицательное—значитъ человѣкъ. Называя себя Удь-Муртъ, вотяки говорятъ аналогично съ нашимъ выраженіемъ: «русскій человѣкъ» ²⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили вотяки, мы встрѣчаемъ множество рѣкъ, озеръ и селеній съ названіемъ «Удь»: напр. Верхнеудинскъ, Нижнеудинскъ, Новоудинскъ и Усть-удинское селеніе балаганскаго уѣзда; р. Уда, впадающая въ Селенгу и пр. Во времена Страбона эти Уды или Utii жили уже преимущественно по теченію р. Кумы, отчего эта рѣка въ древности и носила названіе Удь-донъ (Эйхвальдъ). Что же касается направленія выселенія Удовъ къ сѣверу, то можно думать съ большою вѣроятностію, что оно совершилось водою

¹⁾ Въ переводѣ съ татарскаго *ари* значитъ шершень или ичела, что показываетъ, что вотяки и на своей родинѣ въ Азіи были еще усердными пчеловодами. Интересно, что татары и до сихъ поръ называютъ вотяковъ—ари.

²⁾ По Кастрену названіе Удь, Вудъ, какъ часто произносится, происходитъ отъ вотскаго слова „Ву“ или вѣроятно первоначально „Вут“, что значитъ вода, а такъ какъ вотяки сами называютъ себя Удь-Муртъ, то это названіе и означаетъ просто-на-просто „народъ при водѣ“. Магазинъ землемѣд. и путеш., изд. Фролова, т. VI, ч. 2-я. Путешествіе Кастрена въ Сибирь.

по рр. Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, такъ какъ этотъ путь представляется всего естественнѣе; при томъ же на этомъ пути мы встрѣчаемъ прямые слѣды переселенія вотяковъ въ видѣ остатковъ вотскихъ поселеній. Несомнѣнно, что при переселеніи народа, который ищетъ новыхъ и лучшихъ мѣстъ для жительства, нѣкоторые члены его, двигаемые тѣмъ или другимъ чувствомъ, напр. обольщенные привольемъ мѣста, могли отстать отъ всей массы и выбрать мѣсто для своего поселенія гдѣ-нибудь на пути, что, вѣроятно, случилось и съ вотяками. Такъ, мы встрѣчаемъ вотяковъ въ самарской губерніи въ бугульминскомъ уѣздѣ числомъ до 1500, незначительное число въ уфимской губерніи и до 10 тыс. въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ. Самая же главная масса вотяковъ поселилась по верхнему теченію р. Вятки и ея притокамъ въ предѣлахъ нынѣшней вятской губерніи, откуда уже гораздо позднѣе они были отгѣснены черемисами и новгородскими славянами нѣсколько дальше къ востоку, даже въ предѣлы пермской губерніи (осинскій уѣздъ).

Съ переселеніемъ въ страну вятскую, вотяки пришли въ столкновение съ черемисами.

Тѣсняемая со стороны своихъ дикихъ сосѣдей, Вотъ должна была отодвигаться все дальше и дальше къ сѣверо-востоку, ища себѣ убѣжища въ глухихъ и болотистыхъ мѣстахъ. Здѣсь вотяки навсегда уже теряютъ то значеніе, которое когда-то имѣли въ средѣ другихъ народовъ: торговныя отношенія ихъ совершенно прекратились и сами они съ этихъ поръ превращаются въ жалкихъ дикарей. Жилищами имъ стали служить легкіе шалаши изъ жердей. Въ этихъ шалахахъ были лавки и нары, оконъ не было, полъ замѣняла земля, а потолкомъ служила крыша изъ жердей, покрытая сверху дранью, древесными листьями и хворостомъ для защиты отъ дождя. По срединѣ раскладывался костеръ, на которомъ варилась и копилась пища; здѣсь же приносились жертвы богамъ. Характеръ такихъ жилищъ и теперь еще сохранился у вотяковъ въ тѣхъ чумахъ или лѣтнихъ жилищахъ, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже. Эти чумы, вала повотски, существуютъ у каждаго вотяка и служатъ помѣщеніемъ для него во время лѣта. Со времени переселенія въ страну вятскую они вѣроятно вели бродячій образъ жизни. Можно сказать, что и до сихъ поръ они не достигли прочной осѣдлости. Если вотякамъ почему-либо не понравится ихъ мѣсто, они тотчасъ задумываютъ планъ переселенія всей деревни. Бывали случаи, когда вотяки оставляли свои избы другимъ, а сами уходили искать себѣ новаго мѣста для поселенія. Въ настоящее время случается не-

рѣде, что когда въ вятскихъ деревняхъ, особенно стоящихъ по большимъ дорогамъ, начинаютъ селиться русскіе, вотяки оставляютъ свои жилища для пришельцевъ, а сами выселяются въ глушь, въ лѣса, расчищаютъ ихъ и живутъ своимъ порядкомъ, избѣгая такимъ образомъ общенія съ русскими. Вслѣдствіе этого у вотяковъ новыя деревни или почины (по мѣстному названію) быстро увеличиваются въ числѣ. Вслѣдствіе той же легкости переселенія вятскія деревни никогда не представляютъ такихъ громадныхъ поселеній, какъ у татаръ, несмотря на то, что вотяки, какъ и татары, живутъ между собою очень дружно и не имѣютъ родового раздѣла, что должно бы много способствовать сгущиванію селенія.

Въ вятской губерніи по берегамъ р. Камы, Вятки, Чепцы и многочисленныхъ ихъ притоковъ встрѣчаются остатки древнихъ построекъ, имѣющихъ видъ укрѣпленій и называемыхъ въ народѣ «чортовыми городищами». Всѣхъ такихъ построекъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ вятскомъ статистическомъ комитетѣ¹⁾, въ предѣлахъ вятской губерніи числится до 50. «Чортовы городища» встрѣчаются почти исключительно на высокихъ пунктахъ побережій, что придаетъ имъ характеръ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ или сторожевыхъ постовъ. Форма и величина этихъ городищъ бывають различны; большею частію они съ двухъ или трехъ сторонъ защищены естественными препятствіями, напр. глубокими оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а съ остальныхъ сторонъ тянутся искусственные земляные валы или насыпи. Не рѣшено еще достовѣрно, кому принадлежатъ эти постройки. Можетъ быть, что одна часть ихъ принадлежала черемисамъ, имѣвшимъ очень рано княжеское управленіе и болѣе или менѣе окрѣпшіи быть, а другая составляла, можетъ быть, постройки позднѣйшихъ новгородскихъ пришельцевъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія приписывать эти постройки вотякамъ, у которыхъ къ тому времени не могло сложиться еще прочнаго общественнаго благоустройства. Все племя дѣлилось на множество родовъ, управляемыхъ родоначальниками, какъ старшими въ родѣ, — послѣднимъ принадлежало рѣшительное право голоса въ семейныхъ дѣлахъ и право домашней жертвы. Начальниковъ общихъ цѣлому племени или болѣе или менѣе значительной части его вотяки никогда не имѣли; а въ дѣлахъ, касавшихся цѣлаго племени, собирались обыкновенно одни родоначальники на совѣщаніе и рѣшеніе ихъ имѣло обязательную

силу для всѣхъ родовъ, представители которыхъ участвовали на совѣщаніи. До сихъ поръ деревни вотяковъ сохраняютъ, кромѣ собственныхъ названій, еще общія, принадлежащія цѣлому околотку деревень, указывающія на происхожденіе ихъ отъ этого общаго имъ всѣмъ рода (Зунъ-шудзи, Будзимуль-шудзи, Нерсы-шудзи и т. д.). На общественныхъ собраніяхъ вотяковъ всегда (какъ и теперь) играли одну изъ самыхъ видныхъ ролей жрецы или коштаны. Они пользовались непоколебимымъ общественнымъ уваженіемъ и часто вліяли даже на семейныя дѣла вотяковъ. До сихъ поръ коштаны руководятъ общественнымъ мнѣніемъ вотяковъ и вотякъ во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ своей жизни призываетъ къ себѣ коштана для совѣта и указанія. Можно съ большою вѣроятностью сказать, что у нихъ существовалъ общинный бракъ, изъ котораго развился впоследствии бракъ при помощи умычки или похищенія невѣсты изъ чужого рода или общины).

У нѣкоторыхъ языческихъ вотяковъ малмыжскаго и елабужскаго уѣздовъ сохранился еще обычай доставлять временно своихъ женъ дорогому гостю. Извѣстный антропологъ Лѣббокъ, находя подобный обычай у многихъ дикихъ племенъ, замѣчаетъ, что «повидимому этимъ обычаемъ признается извѣстное право за каждымъ членомъ общины и за посѣтителемъ ея, какъ временнымъ членомъ», и считаетъ этотъ обычай остаткомъ общиннаго брака¹⁾. До сихъ поръ еще у вотяковъ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностей существуетъ дѣтская игра въ жены, которую встрѣчаютъ также въ обычаяхъ нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Только у вотяковъ игра эта не всегда дѣтская. Она состоитъ въ томъ, что собираются нѣсколько парней и дѣвушекъ и раздѣляются по-парно. Каждый парень въ правѣ для себя выбрать такую дѣвушку, которая болѣе ему нравится, причемъ дѣло не всегда обходится безъ ссоры или даже драки. Раздѣлившись такимъ образомъ на пары, молодые парни съ дѣвушками расходятся въ разныя стороны и стараются обыкновенно скрыться въ темныхъ мѣстахъ. Послѣ того «женинныя пары» (по мѣстному выраженію, т.-е. семейныя) снова сходятся и приступаютъ къ продолженію игры. Эту странную игру мы встрѣтили въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ глазовскаго уѣзда и, какъ намъ передавали, она существуетъ еще у вотяковъ пермскихъ, въ осинскомъ уѣздѣ; въ другихъ же мѣстахъ, насколько намъ извѣстно, она нигдѣ не сохранилась. Но вездѣ вотяцкія дѣвушки не отличают-

¹⁾ См. отчетъ вятскаго статистическаго комитета за 1874 годъ.

¹⁾ Начало цивилизаціи, пер. Корюч. стр. 92.

ся строгой нравственностью; напротивъ, каждая дѣвушка съ 13—14 лѣтъ уже свободно гуляетъ съ парнями, ни мало не вызывая такимъ поведеніемъ упрека со стороны старшихъ. Съ другой стороны, умычка сохранилась до сихъ поръ почти во всей своей цѣлости. Между вотяками донинѣ очень распространенъ обычай брать себѣ невѣсту чрезъ насильственное похищеніе изъ другой деревни, или, по крайней мѣрѣ, изъ другого рода (каждый родъ имѣетъ у вотяковъ особые фамиліные знаки,—пудом-пусъ, по вотяцки). Что указанные обычаи вотяковъ не зависѣли отъ повдѣйшей деморализаціи, это можно видѣть изъ того факта, что вотячки, державшіяся въ дѣвушкахъ очень свободныхъ обычаевъ, съ выходомъ замужъ становятся самыми строгими исполнителями супружескихъ обязанностей. Многимъ, описывавшимъ нравы вотяковъ, фактъ этотъ всегда казался страннымъ и трудно объяснимымъ; онъ объясняется, если видѣть здѣсь сохраняющіеся остатки общепризнаваемаго обычая. Въ общинномъ бракѣ всѣ женщины по праву принадлежали каждому мужчине, какъ члену известной общины, а коль скоро женщина приобретаетъ мужчиной чрезъ похищеніе изъ другого племени, то она такимъ образомъ безъ нарушенія правъ общины считается собственностью своего похитителя. Такъ и донинѣ для вотячицъ вольное поведеніе не считается позорнымъ, съ выходомъ же ея замужъ, она принадлежитъ одному только мужчине — своему обладателю.

Съ переселенія въ вятскую страну въ жизни вотяковъ можно видѣть сильный упадокъ относительно ихъ прежняго высокаго культурнаго развитія—съ этимъ вмѣстѣ вотяки теряютъ свою племенную независимость, подвергаясь вскорѣ, какъ мы видѣли, подчиненію со стороны черемисъ, а позднѣе того, въ XII вѣкѣ, оба эти народа были покорены новгородцами.

Отношенія побѣдителей новгородцевъ къ туземцамъ — черемисамъ и вотякамъ—оставались долгое время враждебными, что много способствовало позднѣйшему отчужденію этихъ инородцевъ отъ русскихъ.

Съ покореніемъ царемъ Иваномъ III страны вятской московскому владѣтельству, это отчужденіе не прекратилось, какъ можно видѣть по грамотамъ Ивана III, подтвержденнымъ впоследствии Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами особенными грамотами къ вятскому воеводѣ Собакину. По этимъ послѣднимъ грамотамъ, относящимся къ 1686 году, верхочепецкіе и каринскіе вотяки составляютъ особые общества и имѣютъ свой судъ и расправу, платятъ валовой оброкъ, не раздѣляютъ вполне съ русскими по-

винностей и пр. и подчиняются каринскимъ татарскимъ князьямъ¹⁾. Подчиненіе татарамъ вотяки, какъ известно, считали особливо милостью со стороны московскихъ государей — фактъ, не говорящій въ пользу хорошаго управленія страной вятской. Впоследствии Петръ Великій имѣлъ мысль объединить вотяковъ съ русскими, подчинивъ ихъ одному общему управленію и уничтоживъ прежнія льготныя грамоты; но дурная администрація много мѣшала осуществленію его плана.

Распространеніе христіанства, конечно, могло бы скорѣе всего сблизить вотяковъ съ русскими, но оно задержалось почти до востоящаго столѣтія. Причины такого страннаго факта сводятся къ слѣдующимъ главнымъ: во-первыхъ, вятская область въ продолженіи 400 лѣтъ со времени подчиненія ея власти московскихъ государей не имѣла ни одного монастыря и въ продолженіи 477 лѣтъ не имѣла своего мѣстнаго епископа; во-вторыхъ, она была удалена отъ древнихъ святительскихъ каедръ — новгородской, кievской и ростовской и отдѣлена отъ нихъ болотами и лѣсами, что не только мѣшало распространенію христіанства въ странѣ вятской между инородцами, но помогало также деморализаціи и тѣхъ немногихъ исповѣдниковъ христіанства, которые явились первыми обладателями вятской земли. Такъ еще около 1456 года Іона митрополитъ кievскій обличалъ вятчанъ въ томъ, что многіе изъ нихъ незаконно съ женами живутъ, другіе имѣютъ по три, по четыре и даже по 10 браковъ, что священники преданы пьянству и нисколько не заботятся о своей паствѣ. Въ другомъ своемъ посланіи, относящемся къ 1452 году, тотъ же митрополитъ упрекаетъ вятчанъ въ вѣроломствѣ, клятвенно-преступничествѣ и ужасномъ вѣрствѣ при нападеніи на вотчину великаго князя; а священниковъ обличаетъ въ безнравственномъ поведеніи²⁾. Въ томъ же обличалъ вятчанъ и Геронтій, угрожая имъ отлученіемъ отъ православной церкви³⁾. Въ 1555 году вятская церковь была подчинена вѣдѣнію казанскихъ архипастырей; но это подчиненіе осталось безъ послѣдствій по отношенію къ распространенію христіанства, такъ какъ условія мѣстности и засѣвнѣ на пути черемисы и татары препятствовали частому и болѣе близкому сношенію между Казанью и Вяткою. Въ 1658 году была основана особая вятская и вельско-пермская епархія; но первые три мѣстныхъ епископа не оказали особаго

¹⁾ Акты археографической экспедиціи, IV, 483—485.

²⁾ Историч. акты, I, стр. 489—499.

³⁾ Историч. акты, I, стр. 141—143.

рвенія по распространенію христіанскаго ученія среди инородцевъ. Обращеніе язычниковъ началось только при четвертомъ епископѣ Алексѣѣ. Указомъ Петра Великаго въ 1717 году всѣ вотяки были переписаны по дворамъ, а въ 1722 году и по душамъ; съ этимъ вмѣстѣ вотяки обязывались платить подушную подать и нести рекрутскую повинность. Съ этимъ годомъ совпадаетъ и начало обращенія вотяковъ. Послѣднихъ старались склонять къ христіанству денежными наградами, различными льготами, освобождая на три года отъ податей и повинностей. Но съ одной стороны обиды и стѣсненія, падавшія на новокрещенныхъ отъ ихъ языческихъ единоплеменниковъ ¹⁾, и съ другой — отсутствіе правильной проповѣди дѣлали то, что при Алексѣѣ всѣхъ новокрещенныхъ считалось 95 человекъ. При преемникахъ Алексѣя обращеніе язычниковъ въ христіанскую вѣру совершенно забылось и только при епископѣ Веніаминѣ, съ 1739 года, снова возобновилось. Дѣло пошло быстро. Началась правильная проповѣдь, а въ 1740 году послѣдовалъ указъ Анны Іоанновны, по которому льготы новокрещенымъ подтверждены. По этому указу опредѣлено съ принявшихъ св. крещеніе «въ продолженіи трехъ лѣтъ подушныхъ денегъ и другихъ чрезвычайныхъ поборовъ не брать и опредѣленнаго съ иновѣрцевъ провіанта не спрашивать, а вмѣсто ихъ съ некрещенныхъ»; новокрещенные освобождаются на три года отъ рекрутской повинности и работъ на казенныхъ мѣстахъ. Тѣмъ же указомъ вмѣнялось въ обязанность священнослужителямъ съ крестившихся вотяковъ за вѣнчаніе не брать, а при крещеніи давать вотякамъ мѣдный или серебряный крестъ (смотря по состоянію крестившагося) и снабжать одеждой. Охотниковъ креститься вслѣдствіе этого указа явилось множество, такъ какъ крестившіеся вотяки получали льготу отъ рекрутчины, которой они боялись болѣе всего и старались избѣгать всѣми возможными мѣрами. Въ первый же годъ вотяки приходили креститься сотнями, такъ что въ 1741 году всѣхъ крещенныхъ вотяковъ считалось уже 636, а 14-го іюня того же года начата была постройка первой церкви для крещенныхъ инородцевъ. Съ этого времени дѣлу обращенія вотяковъ было положено болѣе прочное начало, и оно довольно быстро продолжается до нашего времени. Въ настоящее время главная масса вотяковъ крещена; остаются въ язычествѣ 7072, живущихъ въ малмыжскомъ, елабужскомъ и сарапульскомъ уѣздахъ вятской губерніи,

¹⁾ См. жалобу духовнаго приказа въ 1722 году, хранящуюся въ архивѣ вятской духовной консисторіи.

и 3224 въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ; такимъ образомъ, вотяковъ-язычниковъ Европейской Россіи можно считать въ данную минуту не менѣе десяти тысячъ. Именно среди этихъ послѣднихъ, наиболѣе, разумѣется, сохранились нравы, обычаи и преданія самыхъ отдаленныхъ эпохъ; но и принявшіе христіанство далеко не совсѣмъ отстали отъ языческихъ идей и представленій, какъ мы въ томъ убѣдимся изъ послѣдующей картины вотяцкаго быта.

II.

Центромъ современнаго поселенія вотяковъ служитъ юго-восточная часть вятской губерніи, гдѣ вотяки почти сплошною массою заселяютъ части уѣздовъ: глазовскаго, слободскаго, елабужскаго, сарапульскаго, малмыжскаго и уржумскаго. Всѣхъ вотяковъ въ предѣлахъ вятской губерніи считается 262,073 ¹⁾. Кромѣ того, вотяки живутъ въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ казанской губерніи въ числѣ около 9 тыс. человекъ; въ осинскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, на границѣ съ вятской считалось 2,953 чел., въ бугульминскомъ уѣздѣ самарской губерніи — 1,357 чел., и въ незначительномъ числѣ въ уфимской губерніи. Такимъ образомъ, всѣхъ вотяковъ вмѣстѣ взятыхъ считается 275,000 человекъ. Вотяки живутъ болѣею частью изолированно, не сближаясь ни съ русскими, ни съ татарами; даже съ своими близкими родичами черемисами не уживаются. Вотяки сами сторонятся отъ своихъ сосѣдей. Если какая-нибудь вотская деревня превращается въ село, куда прибываетъ русскій элементъ, вотяки начинаютъ мало-по-малу выселяться въ болѣе глухія мѣста. Мало также они селятся по большимъ дорогамъ. Мѣста для своего поселенія вотяки выбираютъ красивыя и удобныя — подлѣ рѣчки или ручья и вблизи лѣса, какъ необходимаго мѣста ихъ языческаго культа. Деревни ихъ, обыкновенно небольшие по числу дворовъ, часто раскидываются на большое

¹⁾ По уѣздамъ эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ глазовскомъ уѣздѣ	мужчинъ 48,651	женщинъ 53,727	обоего пола 102,378
„ сарапульскомъ уѣздѣ	„ 31,854	„ 32,497	„ „ 63,851
„ малмыжскомъ „	„ 22,946	„ 25,872	„ „ 48,318
„ елабужскомъ „	„ 20,794	„ 21,658	„ „ 42,452
„ слободскомъ „	„ 2,448	„ 2,500	„ „ 4,948
„ уржумскомъ „	„ —	„ —	„ „ 131

Отчетъ вятскаго статистическаго комитета за 1872 годъ.

пространство вслѣдствіе разбросанности построекъ. Дѣло въ томъ, что при своемъ домѣ вотякъ желаетъ имѣть подъ руками всѣ хозяйственныя постройки и лужокъ для корма скота. При въѣздѣ въ деревню прежде всего поражаетъ нескончаемый, оглушительный лай собакъ-дворняшекъ, которыхъ каждый вотякъ содержитъ не менѣе двухъ-трехъ, а за ними бѣгутъ толпы грязныхъ мальчишекъ, изъ любопытства высовывающихъ свои русыя головки изъ воротъ. Если ихъ любопытство будетъ замѣчено, они быстро убѣгаютъ, чтобы снова украдкой взглянуть изъ другого мѣста. Но болѣе всего бросается въ глаза въ вотскихъ деревняхъ ужасная грязь, крайняя неправильность улицъ и безобразіе постройки избъ. Последнія строятся такъ, какъ упало первое бревно; нерѣдко случается, что на улицу изба выходитъ угломъ, или уголь одной избы упирается въ стѣну другой. Только въ последнее время администрація обратила на это обстоятельство строгое вниманіе и новыя деревни начинаютъ строиться болѣе или менѣе правильно, съ прямыми улицами; старыя мало-по-малу выравниваются. Но и теперь еще случается въ глухихъ деревняхъ, что, въѣхавши въ одинъ дворъ, можно бываетъ дворами и закоулками проѣхать всю деревню. Причина такой неправильности построекъ заключается въ слѣдующемъ. Задумавъ постройку дома, вотякъ сзываетъ своихъ сосѣдей, угощаетъ ихъ и совѣтуется на счетъ новаго дома. (Безъ совѣта сосѣдей у вотяка не обходится ни одно важное въ его жизни дѣло). На совѣтъ приглашается и вотскій знахарь, туно, который при помощи гаданія указываетъ новое мѣсто для постройки. Какъ знахарь скажетъ, такъ и должно быть. Нарушить указанія туно значить — нарушить священный законъ и несоблюденіемъ правила можно навлечь на себя величайшія бѣды и несчастія. Поэтому послѣ гаданія вотякъ обыкновенно старается задобрить угощеніемъ и подарками сельскихъ начальниковъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы ему не помѣшали выстроить избу такъ, какъ сказалъ туно. Иногда деревни строятся такъ, что при каждой избѣ существуетъ подъ рукой и поле. Такимъ образомъ, избы отдѣляются другъ отъ друга засѣянными полями и деревня растягивается на громадное протяженіе. Такая форма постройки имѣетъ свои преимущества. Первое то, что у каждаго домохозяина свое поле всегда подъ рукой; второе — гарантія отъ опустошенія деревень пожарами, и третье — болышая возможность поддерживать чистоту улицъ при нескученности построекъ. Крытыхъ дворовъ при вотскихъ деревняхъ или совсѣмъ не бываетъ, или дворъ представляетъ обнесенное жердями пространство безъ всякой крыши въ противоположность

дворамъ русскихъ крестьянъ; такая ограда у вотяковъ называется *озборъ*. Дворъ всегда чистый, все лѣто зеленый. Погребовъ, амбаровъ, конюшенъ и хлѣбовъ болышею частію нѣтъ, или это составляетъ нововведеніе русскихъ. Избы вотяковъ грязны и темны. Пильнаго лѣсу здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ постройкахъ вотяковъ, вы никогда не встрѣтите. Почти всѣ избы курныя, одноэтажныя, но онѣ выше избъ русскихъ; низенькія окна, числомъ не болѣе трехъ, обращены болышею частію во дворъ. Одно изъ оконъ, обыкновенно косячатое, другія же волоковыя, т.е. открываются посредствомъ выдвижной ставни и часто обтянуты бычачьей брюховиной. Причина постройки такихъ оконъ заключается въ ихъ дешевизнѣ, такъ какъ стекла въ этихъ глухихъ мѣстахъ составляютъ рѣдкость; но вѣроятно также на постройку избъ съ волоковыми окнами много вліяла бывшая система пошлнѣ, собиравшаяся по числу оконъ и трубъ въ домѣ. Только у зажиточныхъ вотяковъ изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю — бѣлую и зимнюю — черную. Дверь, ведущая изъ сѣней въ черную избу, всегда отворяется внутрь въ отличіе отъ русскихъ; сейчасъ у дверей налѣво битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день. Все же остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ. Для этого на шестѣ у печи устраивается особый горнъ (учоггъ) съ чугуннымъ котелкомъ, повѣшенномъ на деревянномъ крюкѣ; у зажиточныхъ такихъ котелковъ бываетъ иногда до трехъ. Такъ какъ горшковъ, плошекъ и вообще всякой глиняной посуды вотяки не имѣютъ и жареныя блюда у нихъ не въ обычаѣ, то вся ихъ пища готовится на котелкѣ, словомъ, одинъ котелокъ замѣняетъ вотяку всю кухню. На немъ также варится пиво и грѣется вода. Въ одномъ углу у некрещеныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно дубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки, чашки, ножи, употребляемые для стола у жертвоприношеній. Около стѣнъ избы протянуты нары, на которыхъ набросаны грязныя войлоки, подушки, перины и проч. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Палатей и пологъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ, на которомъ лежитъ, завернутый въ грязную скатертку, хлѣбъ, жбанъ съ квасомъ или сукасемъ, какъ называютъ его вотяки. Въ этой бѣдной трапезѣ выражается все гостепрѣимство вотяковъ; достать чего-нибудь другого, на примѣръ, курицу, или другую домашнюю птицу, у нихъ и за деньги трудно; замѣтимъ при этомъ, что вотяки имѣютъ

обыкновеніе ежегодно приносить въ жертву домашнихъ животныхъ своему богу и, пока старшій въ семьѣ не исполнитъ этого обряда относительно каждой породы, никто изъ семьи не въ правѣ зарѣзать ни одно домашнее животное. Избы вотяковъ почти никогда не чистятся и не метутся, вслѣдствіе чего въ нихъ грязь, смрадъ и нечистота невообразимы. Во время ненастной погоды грязи въ избѣ бываетъ столько же, сколько и на улицѣ. Смрадъ происходитъ какъ отъ общей нечистоты и постоянно варящейся въ котельѣ тухлой зайчины, такъ и оттого, что вотяки въ этой же избѣ вѣшаютъ овчины, отъ которыхъ распространяется нестерпимая вонь, зимою же въ избу загоняются на ночь всѣ домашнія животныя, т.-е. коровы, овцы, козы, гуси, утки, куры и проч. Здѣсь, вмѣстѣ со скотомъ, вотяки спятъ на полу въ повалку безъ различія пола и возраста. Вообще нечистоплотность и неопрятность вотяковъ превышаетъ всякое описаніе. Ложки и ножи они моютъ въ той же лохани, надъ которой умываются и изъ которой пьютъ скотина. Вѣдра употребляются одни и тѣ же, какъ для носки воды, такъ и для пойки скота; на нихъ же таскаютъ непромытое бѣлье, смоченное зольной водой. Взявъ изъ-подъ лавки чашку, изъ которой собака только-что опорожнила молоко, вотякъ даже не всегда сполоснетъ ее своими помоями изъ лохани и преспокойно ставитъ на столъ для собственнаго употребленія. Вообще вкусъ вотяка неразборчивъ до невѣроятности.

Изъ предметовъ пищи ячная каша (джукъ), приправленная кускомъ сала, почитается за особенное лакомство. Для этой каши они обыкновенно вывариваютъ гуся, утку, а чаще мясо зайчины или бѣлки, не рѣдко протухлой, кусками обкладывая по краямъ чашки съ кашей. Къ любимымъ кушаньямъ принадлежатъ также толстыя лепешки изъ яровой муки или табанъ, которыя ѣдятъ съ масломъ или битымъ молокомъ—арьянъ¹⁾; табанъ вотяки также ѣдятъ съ солеными грибами, запивая медомъ или кумышкой. Вареный заяцъ или бѣлка, а по большому праздникамъ сушеный или копченый гусь, обыкновенно истертый въ порошокъ, составляютъ лучшія блюда вотяковъ. Хлѣбъ пекутъ изъ ржаной или овсяной муки; съ зольнымъ неприятнымъ вкусомъ затхлый и прѣсный хлѣбъ этотъ выходитъ у нихъ всегда недопѣкой, такъ что сильно липнетъ къ нѣбу и зубамъ. Въ будни и во время постовъ, которые крещеными вотяками соблюдаются очень строго, имъ служатъ пищу: горохъ, чечевица, гороховые и рѣпные

¹⁾ Арьянъ готовятъ изъ замороженнаго прѣснаго молока: ледъ скребутъ и взбиваютъ, отчего получается масса, похожая на густыя сливки.

пирогы, капуста, огурцы и картофель. Изъ грибовъ вотяки большіе охотники до груздей, которыми они запасаются въ урожайные годы на всю зиму. Грузди обыкновенно солятъ и въ такомъ видѣ, какъ лакомство, употребляютъ только по праздникамъ и въ случаѣ прибытія дорогого гостя, котораго всегда стараются накормить ими до отвала. Самой же обыкновенной пищей во время поста и въ будни служитъ ячменная мука, размѣшанная въ квасу (сезь-пѣзъ). Сыръ, приготовленный изъ створоженнаго молока, служитъ всегдашнимъ угощеніемъ родильницъ, когда по вотскому обычаю ходятъ къ ней съ поздравленіями (сейонѣнъ). Кромѣ того, вотяки ѣдятъ охотно мясо мелкихъ птицъ: воробьевъ, синицъ, клестовъ и т. п.

Въ лѣтнее время вотяки не живутъ въ своихъ избахъ, а переселяются въ чумъ (куали): это—холодное строеніе безъ потолка, полъ въ немъ замѣняетъ земля; по стѣнамъ нары и лавки. По срединѣ чума всегда курится костеръ; надъ нимъ на деревянномъ крючкѣ повѣшенъ тотъ же котелокъ, который и здѣсь играетъ роль кухни. Свѣтъ проникаетъ въ чумъ черезъ дверь и особое отверстіе въ крышѣ надъ костромъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и для пропуска дыма. Въ этомъ чумѣ, особенно во время сильнаго вѣтра, дымъ такъ сгущается, что въ немъ можно просто задохнуться, между тѣмъ, вотская семья спокойно располагается вокругъ костра, какъ будто дымъ доставляетъ ей наслажденіе. Чумъ для вотяка-язычника служитъ также и священнымъ мѣстомъ: въ немъ приносятся домашнія жертвы и совершаются моленія, поэтому вотякъ-язычникъ изъ боязни оскверненія неохотно пускаетъ въ свой чумъ русскаго. Кромѣ чума, вотяки имѣютъ на своемъ дворѣ еще особые двухъ-этажныя лѣтнія помѣщенія (юкенось), въ нижнемъ этажѣ которыхъ хранится хлѣбъ и всякая рухлядь, а верхній этажъ (азбаръ-кенось) служитъ также для лѣтняго помѣщенія семьи. Это помѣщеніе,—азбаръ-кенось, раздѣлено на отдѣльныя маленькія комнаты съ нарами (каркасъ-кенось) для каждой брачной пары, гдѣ супруги хранятъ свое добро и куда безъ ихъ позволенія никто не можетъ войти. У вотяковъ, какъ мы упоминали выше, не существуетъ родового раздѣла, поэтому если женится сынъ, то ему строится только особая клѣтѣ на дворѣ. Въ томъ только случаѣ, когда на дворѣ не находится мѣста, женатый сынъ устраиваетъ особый дворъ, но всегда недалеко отъ своего семейства. Вслѣдствіе этого, число членовъ вотяцкой семьи всегда велико—не рѣдко человекъ до двадцати и болѣе.

Многіе вотяки на лѣто предпочитаютъ удаляться въ лѣсъ съ

своими семьями, гдѣ устрояютъ обыкновенно изъ циновокъ и рѣдко изъ холста временныя постройки въ формѣ палатки или палатки. Эти палатки, у которыхъ постоянно дымится костры, даютъ впечатлѣніе цыганскаго табора, только нѣтъ здѣсь ни лошадей, ни повозокъ, не раздаются звонкихъ пѣсень, нѣтъ живыхъ плясокъ.

Наружность вотяка мало привлекательна и носитъ на себѣ отпечатокъ безсилія. Въ сравненіи съ русскими и татарами, вотякъ роста ниже средняго, тѣлосложенія слабаго, худъ и невзраченъ на видъ, сутуловатъ и съ кривыми ногами. Цвѣтъ лица желтый, смуглый, волоса чаще рыжіе или русые (черныхъ почти не встрѣчается), жесткіе, безъ блеска и всегда нечесанные. Вотякъ подстригаетъ свои волосы или на русской манеръ — кругомъ головы, или остригаетъ до-гладка. Голова почти всегда неправильно угловатая; глаза маленькіе, съ узкимъ разрѣзомъ, тусклы и безжизненны, по большей части — голубые или свѣтло-сѣрые, иногда каріе, и конечно, отъ дыма и нечистоты постоянно гноятся, что производитъ сильное безобразіе. Лобъ вотяка невысокій, нѣсколько опрокинутъ назадъ; носъ немного приплюснутый, съ низкимъ переносемъ; ротъ большой; губы, изъ-за которыхъ выставляется бѣлый рядъ зубовъ, всегда покрыты бѣловатою слюною, — можетъ быть, отъ большого употребленія грубаго табаку. Щеки впалыя; височныя кости выпуклы; подбородокъ острый; борода всегда маленькая и рѣдкая, рыжеватая; усовъ или нѣтъ, или очень маленькіе. Туловище и ноги тощія, стопа не велика. Вообще въ фізіономіи вотяка мало привлекательности. Нельзя найти на лицѣ его выраженія ума, симпатіи, не замѣтно веселости и игривости; красоты никогда не встрѣчается. Напротивъ, отпечатокъ тупости въ умственномъ отношеніи, вялости и флегматичности въ движеніяхъ, скрытности и хитрости въ характерѣ рѣзко проглядываетъ въ наружности вотяка. Походка сутуловатая, медленная; во всѣхъ движеніяхъ замѣтна неповоротливость и лѣнность; въ дѣйствіяхъ же незамѣтно той смѣтливости, которой можетъ похвастаться русской человѣкъ.

Женщины еще некрасивѣе, грубѣе и неопрятнѣе мужчинъ. Онѣ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ рыжіи волосы, широкое лицо, голубые глаза, большой ротъ и носъ съ низкимъ переносемъ; груди и животъ полны. Въ старости вотячки совсѣмъ безобразны отъ свойственной имъ въ этомъ возрастѣ характерной желтизны.

Костюмъ вотяка простъ и незатѣливъ, и много напоминаетъ собою одежду русскаго мужика. Огличительный цвѣтъ одежды

вотяковъ — бѣлый или сѣрый. Вотяки какъ-будто имѣютъ пристрастіе къ этимъ цвѣтамъ, разнообразя ихъ исключительно однимъ краснымъ цвѣтомъ. Въ лѣтнее время вотяки носятъ длинную бѣлую холщевую рубашку, поверхъ которой надѣваютъ сѣрый портяной или холщевой кафтанъ, или шабуръ (дукѣсъ), съ гладкими спинками, безъ воротника, и бѣлые панталоны; воротъ, подолъ и прорѣзы на груди рубашки обшиваются тесьмою багрово-краснаго цвѣта, въ перемежку съ бѣлыми нитками. Рубашка опоясывается плетенымъ изъ нитокъ или шерсти поясомъ, а кафтанъ, опускающійся до колѣнъ, — широкимъ кожанымъ ремнемъ, къ которому вотякъ привѣшиваетъ почти весь необходимый рабочій инвентарь — ножъ, топоръ, кожаный кистецъ съ кремнемъ, огнивомъ, табакомъ и трубкой, и пр. Голова покрывается черной шляпой съ небольшими полями или вовсе безъ нихъ, въ формѣ суконнаго колпака, много напоминающаго отрѣзанный рукавъ. На ноги надѣваютъ легкіе остроконечные лапти, которые плетутся нѣсколько иначе, чѣмъ у русскихъ (форма ихъ приближается къ сапогу съ острымъ носкомъ). Голени обертываютъ въ нѣсколько разъ черными холстинами. Замѣчательно, что вотяки обращаютъ много вниманія на чистоту своихъ ногъ и обуви, въ противоположность одеждѣ. Зимой вотяки надѣваютъ подъ шабуръ овчинный полушубокъ; но мнѣ нерѣдко случалось видать вотяка, отправляющагося въ лѣсъ во время сильныхъ вьюгъ и трескучихъ морозовъ въ одномъ лѣтнемъ шабурѣ, подвязаннаго вокругъ шеи грязнымъ и дырявымъ лоскутомъ. Костюмъ женщинъ представляетъ болѣе оригинальнаго, сравнительно съ мужскимъ, такъ какъ въ ихъ одежду, кромѣ разнообразныхъ тканей, входятъ еще украшенія изъ металлическихъ вещей. Вотячки носятъ бѣлую, конопляную, имѣющую видъ мѣшка, рубашку (деремъ), съ обшитыми красной тесьмой воротомъ и подоломъ; къ ней иногда еще пристегиваютъ передникъ ярко-краснаго цвѣта, вышитый разными рисунками. Особенность эта, встрѣчающаяся по преимуществу въ казанской губерніи, вѣроятно, заимствована отъ татаръ.

Снизу деремъ вотячки носятъ панталоны изъ конопляной холстины. Сверху рубашки надѣваютъ короткій кафтанъ-безрукавку (шотъ-деремъ) синяго цвѣта, съ множествомъ сборовъ на спинѣ. Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ айшдана, напоминающаго формой русской кокошникъ, но гораздо выше послѣдняго и не покрывается фатой. Въ основаніи айшдана лежитъ особая цилиндрическая коробка изъ бересты, обтянутая сукномъ или ситцемъ. Спереди айшднъ украшается серебряными деньгами,

нанизанными на подобіе чешуи, покрывающей весь лобъ. Надъ чешуей придѣланы къ основанію айшона деревянные дужки, обтянутыя также сукномъ или ситцемъ, вслѣдствіе чего высота айшона достигаетъ иногда трехъ четвертей аршина. Съ дужекъ висятъ разноцвѣтныя ленты и кисти. Все это еще покрывается большимъ, вышитымъ шерстями, холщевымъ платкомъ такимъ образомъ, что середина одного края прикладывается къ темени, а середина другого спускается на спину до пояса, въ формѣ покрывала. Изъ-подъ платка часто торчатъ двѣ косы, на которыхъ привѣшены крупныя серебряныя деньги; болѣе же пожилыя вотячки обыкновенно собираютъ косы напередъ, закрывая ими почти весь лобъ, и концы на вискахъ завиваютъ въ булки. На грудь надѣвается родъ ожерелья (чертекишъ); это — широкая суконная или холщевая лента, сплошь нанизанная серебряными старинными монетами, или же разноцвѣтными стеклянными бусами. Кромѣ этого широкаго ожерелья навѣшивается на грудь много еще другихъ пронизокъ (комалі), спускающихся съ плечъ полукругомъ. Въ уши продѣваютъ изъ желѣзной проволоки кольца на подобіе серегъ (игі), отъ которыхъ спускаются до пояса нитки, нанизанныя нѣрѣдко крупными монетами, старинными рублевиками и полтинниками, числомъ иногда больше двадцати. Отъ такой тяжести, отверстія въ ухахъ и самыя мочки безобразно растягиваются. На руки вотячки надѣваютъ жестыя или серебряныя изъ монетъ запястья (поскѣсъ) или бусы, надѣтыя на ленту (кивесъ¹⁾).

Въ будни женщины обыкновенно не носятъ айшона, а покрываютъ свою голову большимъ платкомъ, обшитымъ бахромой, повязывая его точно такимъ же образомъ, какъ и сверху айшона. Въ праздники же всѣ женщины обыкновенно щеголяютъ во всемъ лучшемъ и дорогомъ; особенно же заботятся онѣ насчетъ своего головного убора. Вообще слѣдуетъ сказать, что костюмъ женщинъ очень опрятенъ, всегда чистъ. Костюмъ дѣвушекъ почти тотъ же, что и у женщинъ, съ такими же на груди

¹⁾ Вообще старинныя монеты составляютъ самую дорогую и любимую вещь въ костюмѣ вотячекъ. Между деньгами очень часто встрѣчаются копѣйки московскихъ государей, отъ Ивана Васильевича до Алексѣя Михайловича; но мнѣ нѣрѣдко удавалось видѣть и болѣе старыя, новгородскія деньги, такъ-называемыя „бѣлыя лобки“ или „кони“ — на вотскомъ языкѣ. По всей вѣроятности, русскія монеты вотякамъ были извѣстны съ самыхъ древнихъ временъ, когда русская гривна равнялась фунту серебра; по старому обычаю фунтъ у вотяковъ донынѣ называется гривенкой. Серебряныя старинныя деньги вотяковъ имѣютъ большую цѣнность; въ расходъ онѣ никогда не употребляются, а составляютъ наследственное богатство каждаго семейства.

монетами и побрякушками; здѣсь тѣ же чертекишъ, комалі, игі, кивесъ и поскѣсъ, только вмѣсто айшона носятъ на головѣ шапочки, называемыя кичками или такыями, спускающіяся впереди до самыхъ бровей. На лбу эти кички покрываются также мелкою серебряною монетою, въ формѣ чешуи. Сверхъ шапочки дѣвушки повязываются холщевымъ платкомъ. Между женщинами у вотяковъ существуетъ еще различіе въ костюмѣ молодухекъ, выпедныхъ замужъ не болѣе году (вилкунленъ) и замужнихъ болѣе году (чномуртленъ). Первые носятъ бѣлый съ черными полосами айшонъ и бѣлыя рубашку и кафтанъ съ рукавами, а вторыя — айшонъ краснаго цвѣта. Г. Островскій рассказываетъ даже объ одномъ обычаѣ, существующемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для перемѣны одежды молодухи на костюмъ настоящей женщины. По истеченіи года со времени замужества, въ избу къ молодухкѣ собираются парни. Молодушка наряжается въ полный костюмъ и уходитъ за печку. По простествіи нѣкотораго времени, ее оттуда выводятъ и одинъ изъ парней, снявши съ молодухи ашьянтъ (айшонъ, по сѣверному нарѣчію), надѣваетъ его на себя, пляшетъ въ немъ и потомъ бросаетъ на полъ. Послѣ этого обряда, молодухка становится уже чномуртленъ — женщиной и перестаетъ носить бѣлую одежду¹⁾.

Описанный костюмъ женщинъ очень характеренъ. При малѣйшемъ движеніи или ходбѣ, серебряныя деньги производятъ очень пріятный шумъ, а разнообразіе цвѣтовъ поражаетъ своею оригинальностью. Впрочемъ, одежда не у всѣхъ вотяковъ одинакова: она бываетъ различна даже въ разныхъ волостяхъ; къ тому же, вотяки, особенно мужчины, не отличаются привязанностью къ старинѣ въ одеждѣ и часто перенимаютъ ее у своихъ сосѣдей — русскихъ; напротивъ, у вотяковъ елабужскаго, мамадышскаго и казанскаго уѣздовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ татарами, въ одеждѣ замѣчается много особенностей на татарскій манеръ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо консервативнѣе мужчинъ.

Въ нравахъ и характерѣ вотяка, вообще говоря, болѣе хорошихъ, чѣмъ дурныхъ чертъ. Съ одной стороны, онъ миролюбивъ, дружелюбенъ, въ домашней жизни не сварливъ, гостеприименъ, тихъ, скромненъ, бережливъ часто до скупости, хорошій земледѣлецъ, страстный пчеловодъ и неутомимый лѣсникъ; съ другой стороны, онъ робокъ и боязливъ, особенно передъ русскими и властью, нѣрѣшитель, скрытенъ, хитеръ и лживъ, въ

¹⁾ Островскій. Вотяки Казанской губерніи. Труды Казанскаго Общества Естествоиспытателей, вып. IV.

высшей степени суевѣренъ, нелюдимъ и непріязненъ къ народамъ чуждаго ему племени; по временамъ онъ беззаботенъ, лѣнивъ и всегда неповоротливъ. Въ сравненіи съ своими сосѣдями, русскими и татарами, вотякъ всегда представляется существомъ слабымъ и беззащитнымъ. Вотъ почему первые за смиреніе, кротость и тупость вотяка прозвали «рябчикомъ», а татары называютъ его «собакой», только не по характеру, а потому, что, по ихъ понятіямъ, вотякъ и не заслуживаетъ названія чело-вѣка. Жалкая обстановка вотяка, всегдашняя нищета и бѣдность, и оттого—отсутствіе болѣе широкихъ бытовыхъ интересовъ, конечно, не могли выработать изъ него болѣе энергическаго типа. Русскій крестьянинъ, въ сравненіи съ вотякомъ, просто герой, да и тотъ гнется подъ тяжелымъ гнетомъ обстановки; а положеніе вотяка еще хуже. Замѣчательно, что вотяки хорошо понимаютъ свою беспомощность передъ русскими и татарами, что ясно выражается оригинальной вотской пословицей: «бигѣръ кібнъ, зіоць гондѣръ, уть-морть селѣ», т. е. татаринъ—волкъ, русскій—медвѣдь, вотякъ—рябчикъ. По этому сознанію беспомощности понятна ихъ робость предъ русскими и татарами, ихъ безответная, не имѣющая никогда протеста и до крайности скрытная душа—и, наконецъ, ихъ склонность жить своимъ кругомъ, держаться въ сторонѣ отъ своихъ сосѣдей. Впрочемъ, существуютъ деревни, гдѣ вотяки сближаются съ русскими, вступаютъ съ ними въ браки, усваиваютъ русскіе обычаи и принимаютъ ихъ языкъ и вѣру. За то эти вотяки боятся и ненавидятъ татаръ, какъ людей, живущихъ хищничествомъ и мошенничествомъ. Напротивъ, другія вотскія деревни сближаются съ татарами, держатъ съ ними взаимное хлѣбосольство, общее пчеловодство, и не любятъ и чуждаются русскихъ до того, что ими стращаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Въ такомъ случаѣ вотякъ вполне подпадаетъ подъ власть татарина: послѣдній нанимается къ вотяку въ работу, покупаетъ всякія произведенія недалекаго вотскаго хозяйства, и въ то время, какъ вотякъ предается вѣчной праздности и безопасности, татаринъ никогда не упуститъ случая воспользоваться этимъ и всегда въ выигрышѣ. Достаточно припомнить одно конокрадство, гдѣ нахальство и наглость татаръ превосходятъ всякое вѣроятіе, чтобы понять, какъ тяжело обходится вотяку его сосѣдство съ татарами. Замѣчательно, что вотяки тщательно скрываютъ конокрадство татаръ—по той, будто бы, причинѣ, что послѣдніе не будутъ возвращать за выкупъ украденныхъ лошадей.

Сосѣдство татаръ сильно вліяетъ на вотяковъ, что отражается въ бытовыхъ чертахъ, языкѣ и даже въ религіозныхъ обрядахъ.

Такъ, вотяки южныхъ уѣздовъ почти всѣ умѣютъ говорить по татарски и празднуютъ еженедѣльно пятницу—сеинъ или инъ по вотски. Въ сѣверныхъ уѣздахъ татарскій языкъ также распространенъ, но въ меньшей степени. Подъ татарскимъ вліяніемъ измѣняются и нравы: вотяки, обученные сосѣдами, не пренебрегаютъ маленькими кражами и помогаютъ татарамъ въ воровствѣ, принимая отъ нихъ краденое. Такъ поступаютъ нерѣдко и зажиточные вотяки, но не рискуя на большія кражи. Есть, впрочемъ, и такія деревни, преимущественно не крепченныя, которыя, пожалуй, не уступятъ татарамъ въ грабежахъ и воровствѣ. Между собой вотяки всегда живутъ въ дружбѣ, безъ ссоръ и ведутъ общую хлѣб-соль. Во время угощенія всегда проглядываетъ въ вотякѣ неподдѣльная привѣтливость и радушіе. Если у него находится въ гостяхъ цѣлое семейство, онъ всегда поторопится угощеніемъ, въ которомъ главную роль играетъ кумышка¹⁾; когда вотякъ на-веселѣ, онъ забываетъ свою скупость и всегда стумбѣтъ угостить своихъ гостей на славу, которыя въ знакъ благодарности и памяти о весело проведенномъ днѣ берутъ по мѣдной монетѣ и вколачиваютъ ее въ косякъ или стѣну. Всякій хозяинъ гордится этими почетными значками его гостепріимства.

Какъ ни щедры бываютъ вотяки на угощеніе своихъ друзей, во вседневной жизни они всегда скупы. Кромѣ соли и табаку, до которыхъ всѣ вотяки большіе охотники, они ничего не покупаютъ. Употребленія мыла они не знаютъ вовсе, а для мытья довольствуются щелокомъ. Все, что только есть у вотяка въ избѣ и одежда на немъ, все это не купленное, а фабрикуется самими вотяками, хотя самымъ грубымъ образомъ. По домашней жизни невозможно отличить богатаго отъ бѣднаго: грязь и нечистота—одна и та же; всѣ носятъ одинаковую одежду и употребляютъ одинаковую пищу. Деньги, необходимыя для расхода, вотяки держатъ дома, но обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, на которыя меньше всего падаетъ подозрѣніе, напримѣръ, въ ржаной мукѣ или гдѣ-нибудь въ стѣнѣ, или, наконецъ, бабы заплетаютъ ихъ въ свои волосы. Всякую же лишнюю копѣйку, которая остается отъ расхода, онъ мѣняетъ на старое серебро и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ пустомъ пчелиномъ бортѣ, или зарываетъ въ землю, гдѣ оно нерѣдко и остается навсегда, переходя въ область кладовъ, если вотякъ не успѣетъ передъ смертью указать своимъ ближайшимъ родственникамъ его мѣсто. Такимъ образомъ, не-

¹⁾ Любимый опьяняющій напитокъ вотяковъ.

смотря на видимую бѣдность обстановки, у вотяка всегда есть известный запасъ денегъ, который ему годится на случай бѣды или чернаго дня. Этимъ объясняется обстоятельство, что среди вотяковъ никогда не встрѣчается нищей братіи.

Изъ нерасположенія къ русскимъ и особенно къ начальственнымъ лицамъ вотяки весьма склонны къ кляузничеству и ложныя жалобы или показанія у нихъ всегда производятся по общему уговору. Вообще у вотяковъ никто не рѣшается на какое-нибудь предпріятіе, безъ общаго согласія; при какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ они собираютъ сходъ, на которомъ дѣло рѣшаютъ богатые и уважаемые (узрысь и коштань); отъ остальныхъ требуется только согласіе. На этихъ сходахъ нерѣдко сговариваются и о ложныхъ жалобахъ. Рѣшеніе схода всѣми исполняется обязательно и нарушитель подобнаго заговора становится предметомъ общаго презрѣнія и получаетъ прозвище куштонтъ, т.-е. негодный человекъ для общества.

Суевѣріе вотяковъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Всѣ болѣзни они считаютъ навожденіемъ злого духа; мало того — самую болѣзнь они олицетворяютъ. Если есть въ домѣ больной, то вотякъ никогда не заколетъ ни одного изъ домашнихъ животныхъ и птицъ изъ боязни, чтобы болѣзнь не усилилась за кровь этого животного. Для умилостивленія болѣзни выставляютъ за окно различныя яства, пресытившись которыми, болѣзнь должна, по ихъ понятіямъ, оставить больного. Если болѣзнь очень тяжелая, то подъ изголовье или у порога избы кладутъ ножъ, топоръ или косу. Во время эпидеміи вотяки уставляють вокругъ деревни шести, разщепленные вверху на-трое и на нихъ кладутъ разную домашнюю стряпню, завернутую въ доскутъ холста. Впрочемъ, во время сильныхъ болѣзней вотяки спѣшатъ обратиться къ своимъ знахарямъ, которые лечатъ болѣзни наговорами, молитвами и травами. При рожденіи ребенка вотячка намазываетъ ему лицо сажей изъ боязни различныхъ урѣковъ. Во время Петровокъ вотякъ не косить сѣна, вотячка не станетъ мыть бѣлья, не будетъ черпать металлическимъ ковшомъ или ведромъ воды изъ рѣки — всѣмъ этимъ они могутъ прогнѣвать Бога, который тогда лишитъ ихъ хорошаго урожая. Въ великій четвергъ вотяки еще до восхода солнца отправляются въ лѣсъ съ пучками пихты или можжевельника, начинаютъ сильные крикъ и гагайканье; наконецъ, зажигаютъ пихту и верескъ и прыгаютъ черезъ пламя. Этимъ они изгоняютъ хищныхъ звѣрей: волковъ, медвѣдей и проч. Въ тотъ же четвергъ вотяки считаютъ необходимою идти въ баню и тамъ обмываются водою съ серебряной монеты.

Такая вода считается священной, а потому они и запасаются ею на цѣлый годъ для леченія различныхъ недуговъ.

О медленности и неповоротливости вотяковъ мы выше упоминали. Пошлите вотяка куда-нибудь, онъ непременно пошлетъ другого помоложе, этотъ третьяго, третій четвертаго — маленькаго ребенка, который, конечно, уже ничего не сдѣлаетъ. Самая походка вотяка невѣроятно медленная: въ день онъ пройдетъ не болѣе 20 верстъ, отдыхая на каждой третьей-четвертой верстѣ. Ни къ какой работѣ, гдѣ необходима поспѣшность и проворство, вотякъ рѣшительно неспособенъ. На своемъ полѣ вотякъ, впрочемъ, не лѣнивъ и работаетъ съ ранняго утра до поздняго вечера; но здѣсь отъ него и не требуется особеннаго проворства. Зимой же, запасись хлѣбомъ, вотякъ предается совершенной лѣни, ничего не работаетъ и заводитъ безконечные праздники, на которыхъ можно видѣть пьяными не только мужчинъ, но и женщинъ, даже дѣвушекъ и дѣтей отъ 10 лѣтъ — словомъ, всѣхъ поголовно. Въ продолженіи недѣли или двухъ безостановочно вотяки пьянствуютъ до того, что, наконецъ, впадаютъ безсознательное состояніе одуренія и конвульсій ¹⁾. Во время подобныхъ оргій вотякъ совершенно измѣняется въ нравѣ: онъ становится гордъ, упоренъ, мстителенъ, золь; опасно раздражить пьянаго вотяка; нерѣдко онъ рѣшается въ этомъ случаѣ на убійство, что почти никогда не случается съ вотякомъ въ трезвомъ видѣ.

Своей нравственностью вотяки не могутъ похвалиться, о чемъ уже мы упоминали; намъ остается только дополнить сказанное еще нѣсколькими фактами. У вотяковъ не считается неприличіемъ, если дѣвка забеременѣетъ; напротивъ, такая дѣвка входитъ въ моду и женихи начинаютъ ее одолѣвать. Это объясняется любовью вотяка къ семьѣ: дѣло въ томъ, что вотяки считаютъ за несчастіе для себя имѣть бесплодную жену. Родители вообще очень легко относятся къ шалостямъ своихъ дочерей, держась своей оригинальной пословицы: пібсь уску дярату инмарнд усъ дярату, — дѣвушку мужикъ не любитъ, Богъ не любить. Отъ святокъ вплоть до великаго поста происходятъ такъ называемыя посидѣнки. Молодые парни и дѣвушки собираются куда-нибудь въ нежилое строеніе, часто въ баню; первые подъ предлогомъ плести лапти, а вторыя для занятія пряжей, и проводятъ здѣсь зимніе вечера до глубокой ночи. Сюда родители

¹⁾ Болѣзанъ эта, которую вотяки называютъ кереметкою, приписывая ее силѣ злого духа Керемета, развивается отъ содержанія въ кумшѣе достаточнаго количества сивушнаго масла.

обыкновенно не заглядывают и молодые люди предаются неряшливо повальному разврату. Отсюда сильное распространение сифилиса; нѣтъ, кажется, семьи, гдѣ бы не было этой болѣзни, такъ что буквально почти все племя заражено. Впрочемъ, какъ мы видѣли, съ выходомъ замузей вотячки совершенно измѣняются.

III.

Въ умственномъ отношеніи вотякъ такъ же сонливъ и неповоротливъ, какъ и въ физическомъ. Онъ работаетъ лишь по необходимости, заботясь только о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Дальше куска дурного затхлаго хлѣба, черной избы и самой ограниченной домашней утвари—его желанія не идутъ. Вотякъ считаетъ себя вполне счастливымъ, если ему удалось скопить нѣсколько рублей и положить ихъ въ запасъ про черный день. Замѣчательно, что у этого народа есть всегда какой-то страхъ предъ будущимъ: онъ все ждетъ какой-то бѣды, черного дня и каждый на этотъ случай берегаетъ свои немногіе рубли, зарывая ихъ въ землю.

Вотякъ до того забить судьбою и обиженъ природою, что онъ самъ собою уже не можетъ вырваться изъ вѣчной грязи и невѣжества. У него нѣтъ для этого ни силъ, ни энергіи; онѣ заглохли подъ гнетомъ обстоятельствъ и судьбы. Мало того, замкнутый въ своей обстановкѣ, онъ дошелъ до такого состоянія, что не въ силахъ и помышлять о какой-нибудь лучшей жизни. При всемъ томъ онъ очень хорошо понимаетъ свое положеніе. Спросите его, почему онъ дурно кормитъ свою лошадь, хотя и въ состояніи, и почему держитъ такую клячу? Вы услышите: «гдѣ намъ кормить свою лошадь, живетъ намъ и кляча». — Почему онъ живетъ грязно и бѣдно? — «Мы вотяки, насъ Богъ не любитъ». Если вы сообщите вотяку, что вотъ тамъ-то живутъ хорошо, потому что работаютъ, не лѣнясь, онъ отвѣтитъ непремѣнно: «тамъ не вотяки живутъ».

Всегдашняя скрытность и замкнутость вотяковъ помогаютъ ихъ отсталости въ умственномъ отношеніи. Занятія и ремесла ихъ отличаются такою же грубостію, какъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ назадъ и производятся допотопными орудіями. Нельзя однако сказать, чтобы этотъ народъ былъ лишентъ способности перенимать отъ другихъ. Отъ русскихъ нѣкоторые вотяки перенимаютъ способъ постройки избы и усваиваютъ ихъ занятія и производства. Если же и до сихъ поръ мы встрѣчаемъ вотяка

въ его первобытной обстановкѣ, то въ этомъ виновато уже нерадѣніе русскихъ. «Народомъ этимъ никто не занимался, — справедливо говоритъ Риттихъ, — онъ вѣчно былъ въ угнетеніи и потому неудивительно, что не подвинулся ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться».

Изъ всѣхъ занятій вотяки болѣе всего склонны къ земледѣлію, и надо отдать справедливость, здѣсь вотякъ показываетъ себя совсѣмъ съ другой стороны. Всѣ писавшіе о вотякахъ свидѣтельствуютъ согласно о нихъ какъ хорошихъ и усердныхъ земледѣльцахъ. Многимъ можетъ показаться страннымъ это противорѣчіе. Мнѣ кажется, что оно объяснимо при помощи другихъ чертъ вотяка — его скупости и бережливости. Онъ хорошо знаетъ, что хлѣбъ его богатство; что успѣшное земледѣліе — единственная вѣрная поддержка его существованія. Къ болѣе же рискованнымъ занятіямъ, напримѣръ, торговлѣ вотякъ менѣе склоненъ, именно потому, что это занятіе сопряжено съ рискомъ; вотякъ скорѣе зароетъ свой капиталъ въ землю «до бѣды», чѣмъ пуститъ его въ торговый оборотъ. Такимъ образомъ, въ силу сознанія, что съ успѣхомъ земледѣлія связано его благосостояніе, вотякъ прилагаетъ къ дѣлу все свое усердіе, работаетъ дѣйствительно «въ потѣ лица своего».

Едва успѣлъ сойти послѣдній весенній снѣгъ и еще земля не успѣла обсохнуть, вотякъ уже исправляетъ свои земледѣльческія орудія, выходитъ осмотрѣть свое поле, справляется съ погодой, рассчитываетъ по ней, какъ время посѣва, такъ и будущую жатву. Въ это время у вотяка является какъ-то больше жизни, больше энергіи; по крайней мѣрѣ у него является сознательное стремленіе къ работѣ, къ дѣятельности. Пробудившись отъ полусна и дремоты, которые овладѣвали имъ цѣлую зиму, онъ чувствуетъ теперь въ себѣ новыя силы, новыя желанія и какъ-бы новую жизнь. Это сознательное стремленіе, эта общая радость предъ посѣвомъ выражается въ томъ, что у вотяковъ существуетъ даже особый праздникъ для привѣтствія полевыхъ работъ (окашки). Позволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе по поводу этого праздника. День торжества обыкновенно назначается старшинами деревни за недѣлю и даже болѣе, чтобы дать время приготовиться къ празднику, какъ слѣдуетъ, т.-е. наварить болѣе кумышки, пива, меду и различной стряпни. По окончаніи приготовленій, предъ самымъ праздникомъ всѣ вотяки отправляются въ баню, которая въ этомъ случаѣ служитъ символомъ очищенія, послѣ чего наряжаются въ лучшія праздничныя одежды и въ назначенный часъ, всегда около полудня, разомъ выѣзжаютъ

верхомъ на поля, захвативъ съ собою часть изъ приготовленныхъ сѣстныхъ припасовъ и немного сѣмянъ. Здѣсь, помолясь Богу, каждый принимается за распашку небольшого участка земли, посѣваетъ нѣсколько горстей зерна и заборониваетъ. Затѣмъ вотякъ зарываетъ въ землю лйцо, если есть пасхальное, а также кашу, хлѣбъ въ формѣ лепешекъ или оладій и посыпаетъ все это солью, приговаривая: «ну, мать-земля, кормила ты насъ до сей поры, прокорми же и нынѣшній годъ». Вся остальная страпня частью сѣдается, частью разбрасывается по полю «на расхвать или на счастливаго». Надо думать, что зарываніемъ въ землю сѣстныхъ припасовъ, вотяки хотятъ показать, что и они землѣ платятъ тѣмъ же, т.-е. кормятъ ее. Покончивъ съ этимъ священнымъ для каждаго обычаемъ, молодые парни обыкновенно начинаютъ конскую скачку и бѣгаютъ въ запуски; малыя ребята въ это время занимаютъ особой игрой—катаньемъ яицъ, а старики и вообще люди пожилые отправляются въ деревню и предаются грубому пьянству, переходя изъ одного дома въ другой, отъ одного хозяина къ другому; здѣсь среди пьянства начинается пляска и пѣніе, которыя состоятъ въ сущности въ топтаніи безъ всякаго такта и въ произношеніи дикихъ звуковъ: «ой до, ой до! ой ду, ду!» Женщины тѣмъ временемъ берутъ ведра съ водой, идутъ на поля и поливаютъ посѣвъ; затѣмъ возвращаются къ пирующимъ и обливаютъ послѣднихъ съ головы,—обычай, трудно объяснимый.

Освятивъ такимъ образомъ начало пашни, вотяки принимаются за полевныя работы, т.-е. за распашку полей, посѣвъ сѣмени и т. д. Сѣютъ сообразно условіямъ мѣстности и климата—ячмень, рожь, овесъ и пшеницу. Льда никогда не сѣютъ, его замѣняетъ конопля; гречиху сѣютъ въ южной части вятской губерніи и въ казанской губерніи, но она родится плохо. Изъ всѣхъ жатвъ, самая лучшая бываетъ ячменная, далѣе рожь, въ южной части вятской губерніи и въ казанской губерніи, даетъ нерѣдко самъ 6—7; хорошо родится также конопля, но пшеница и гречиха даютъ посредственные урожаи.

Послѣ посѣва яровыхъ хлѣбовъ вотяки заняты исключительно домашними работами, которыя, впрочемъ, прямо относятся къ земледѣлію, напр. поправка хлѣбныхъ амбаровъ и ригъ, молотба стараго хлѣба и т. д.—все это продолжается вплоть до сѣнокоса и жатвы. По какому-то суевѣрію вотяки никогда не начинаютъ жатвы и сѣнокоса раньше Ильина дня, и съ этого времени принимаются только за сѣнокосъ. Между тѣмъ у русскихъ крестьянъ той же мѣстности сѣнокосъ начинается съ Петрова

дня и уже совершенно оканчивается къ Ильину дню, такъ что съ этого времени начинаютъ уже ржаную жатву. Такимъ образомъ, русскіе болѣе или менѣе разумно распредѣляютъ свою работу. У вотяковъ къ Ильину дню скопляется и сѣнокосъ и ржаная жатва; къ тому же времени часто подостѣваетъ и жатва яровая. Слѣдствіемъ этого, разумѣется, является упущеніе въ работѣ; принявшись съ Ильина дня за сѣнокосъ, вотякъ оставляетъ крошиться зерну съ переспѣлыхъ жатвъ, которыя остаются на корню нерѣдко до поздней осени. Вотяки такимъ образомъ никогда не въ состояніи кончить жатву къ Семенову дню, какъ это дѣлаютъ русскіе. Не мудрено встрѣтить вотяка, работающаго надъ жатвой около Покрова дня, а иногда и долѣе, если помѣшаетъ ему убрать хлѣбъ дурная погода, очень обыкновенная въ это время года. Кромѣ того, успѣшности земледѣлія не мало препятствуютъ продолжительные лѣтніе праздники вотяковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и самыя запашки ихъ въ большинствѣ случаевъ по размѣру гораздо ограниченнѣе запашекъ русскаго крестьянина. Сжатый хлѣбъ вотяки никогда не ставятъ въ суслоны, какъ это дѣлаютъ русскіе, а вѣшаютъ на прясла или надѣваютъ на колья такимъ образомъ, чтобы колосья выходили наружу. Эту мѣру нельзя не признать полезной, потому что если зерна еще зелены, то во время хорошей погоды онѣ могутъ дозрѣть, а въ дурную погоду они подвергаются провѣтриванью и поэтому не могутъ проростать.

По окончаніи жатвы вотяки снова начинаютъ общее пированье, для чего обыкновенно ими устраивается складчина. Въ день праздника всѣ отправляются на поле, взявши съ собою сѣстные припасы, а также кумышку, пиво и медъ, раскладываютъ здѣсь костры и варятъ кашу. Далѣе слѣдуетъ пьянство и обычная пляска вокругъ огней. Это празднованіе въ полѣ нерѣдко продолжается далеко за полночь. На слѣдующій день праздникъ возобновляется въ деревнѣ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной капли отъ громаднѣхъ запасовъ кумышки и пива, такъ что пированіе тянется нерѣдко двѣ или три недѣли. Послѣ этихъ праздниковъ вотяки принимаются за складку хлѣба въ кабаны¹⁾, чтобы затѣмъ снова предаться многодневному пьянству. Крытыхъ гуменъ, какія устраиваются русскими, у вотяковъ совсѣмъ нѣтъ, точно также какъ и сущильныхъ овиновъ съ печами. Хлѣбъ вотяки молотятъ сырой, не

¹⁾ Кабанами называются конусообразныя, похожія на конны сѣна скирды, деревянное дно которыхъ поднято четверти на двѣ отъ земли.

просушая его искусственно, вслѣдствіе чего, въ случаѣ ненастья, вотяки находятся въ затрудненіи, если у нихъ нѣтъ въ запасѣ готоваго хлѣба, что бываетъ очень рѣдко.

Несмотря на многіе недостатки земледѣлія вотяковъ, хлѣба родится настолько достаточно (въ особенности въ южной части вятской губерніи), что часть его, какъ излишекъ отъ домашняго хозяйства, сбывается на сторону. Продають хлѣбъ обыкновенно въ сыромъ видѣ—кабанами, вслѣдствіе чего вотяки никогда не выручаютъ его нормальной стоимости. Кулакъ скупаетъ вотскіе кабаны по самой низкой цѣнѣ и потомъ съ невѣроятной выгодой продаетъ хлѣбъ въ формѣ готоваго зерна на рынки. Такой порядокъ продажи хлѣба, приносящій существенный вредъ благосостоянію вотяковъ, еще въ пятидесятихъ годахъ вызвалъ особія мѣры со стороны мѣстнаго управления, въ формѣ внушенія вотякамъ не продавать сырой хлѣбъ въ кабакахъ по низкой цѣнѣ. Но потому ли, что внушеніе было сдѣлано недостаточно, или по старой привычкѣ, вотяки и до сихъ поръ не оставляютъ этого способа продажи.

Въ противоположность земледѣлію, скотоводствомъ вотяки занимаются очень небрежно. Правда, каждый вотякъ держитъ всегда не одну лошадь, иногда пять и шесть, и двѣ или три коровы, но этотъ скотъ до того мелокъ, хилъ и плохъ, что составляетъ на мѣстѣ особую породу, получившую названіе *вотской*. Лошади эти нестройны, худы, низки ростомъ и слабы, такъ что всѣ пять едва могутъ замѣнить хозяину одного порядочнаго ломовика. Причина плохого состоянія скотоводства заключается въ скупости хозяина, такъ какъ скотъ содержится на самомъ скудномъ кормѣ. Всю зиму кормятъ обыкновенно соломой съ примѣсью дурнаго сѣна, вслѣдствіе чего во время зимы скотъ худѣетъ до невѣроятности; лѣтомъ же онъ нѣсколько поправляется на подножномъ корму. Только рабочихъ лошадей вотяки кормятъ сносивѣ, подбавляя къ соломѣ или сѣну немного хлѣба и овса, какъ лакомства, не обходимаго, по понятіямъ вотяковъ, только на время пашни. Вотъ почему вотякъ не въ состояніи употреблять свою лошадь для работы по найму и очень рѣдко занимается извозомъ. Трудно полагать, чтобы окупались хозяину эти пять-шесть безсильныхъ лошадей, такъ какъ они употребляются только во время полевыхъ работъ, а затѣмъ, оставаясь безъ дѣла, скорѣе составляютъ лишнее бремя въ хозяйствѣ. — Не разъ принимались мѣры для улучшенія породы лошадей у вотяковъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны частныхъ предпринимателей. Такъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ устроены были въ

разныхъ пунктахъ губерніи конскіе заводы, при помощи которыхъ старались разводять породы арабскихъ и англійскихъ скаковыхъ лошадей; но эти попытки оставались всегда безъ успѣха. О прославленной вятской породѣ лошадей у вотяковъ не можетъ быть и рѣчи; она давно уже выродилась, перевелась и ее гораздо чаще можно встрѣтить на улицахъ нашихъ столицъ, чѣмъ на мѣстѣ. Не маловажной помѣхой къ разведенію хорошихъ породъ лошадей у вотяковъ служитъ также конокрадство татаръ, вкусъ которыхъ, какъ извѣстно, неразборчивъ относительно породы. Крупный рогатый скотъ вотяковъ также замѣчательно мелокъ, слабъ и худъ и не даетъ много молока. При дурномъ уходѣ вотяки не могутъ сбывать молодой скотъ въ продажу, потому что порядочные, сколько-нибудь сносные выкормки у вотяковъ рѣшительно невозможны. Нельзя думать, что мелкота породы зависитъ отъ того, что въ край не могло бы существовать крупныхъ породъ,—нѣтъ, у русскихъ крестьянъ здѣсь сплошь и рядомъ встрѣчается холмогорскій и тирольскій скотъ и совсѣмъ не измельченный, не выродившійся. Стало быть, все зависитъ отъ небрежности ухода и дурной пищи. Дурное состояніе скотоводства, разумѣется, много отзывается на успѣшности земледѣлія, такъ какъ эти два дѣла одно безъ другого немислимы, въ особенности при бѣдности почвы, требующей всегда хорошаго удобренія.

Изъ другихъ родовъ рогатаго скота болѣе важную роль играютъ овцы, которыхъ на дворѣ зажиточнаго вотяка можно насчитать иногда до нѣсколькихъ сотенъ.

Изъ птицъ вотяки предпочитаютъ гусей и утокъ, вѣроятно, потому, что они не требуютъ хорошаго ухода; напротивъ, куръ и индѣекъ почти вовсе не держатъ.

Одно изъ болѣе любимыхъ занятій вотяковъ есть пчеловодство, которое однако не служитъ источникомъ большой прибыли. Тѣмъ не менѣе пчеловодству вотякъ предается по истинѣ со всею страстью охотника. Свой пчельникъ онъ наблюдаетъ чуть не каждый день и проводитъ около него по нѣскольку часовъ къ-ряду, постоянно лазая на высокія деревья. Ульи вотякъ или просто привязываетъ къ ели, или же самъ выдалбливаетъ въ старомъ дуллѣ родъ улья, куда и садятся дикія пчелы; мѣстомъ для пчельника выбирается открытая поляна или проталина. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на одинъ странный обычай вотяковъ обставлять изгородь пчельника цѣлымъ рядомъ лошадиныхъ череповъ,—обычай, который, правда, встрѣчается иногда и у русскихъ пчеловодовъ; но послѣдніе, вѣроятно, заимствовали

его отъ вотяковъ же. Можетъ быть, этотъ обычай имѣетъ смыслъ заклинанія.

Другое любимое занятіе вотяковъ — охота, или «лѣсованіе» на мѣстномъ нарѣчїи. Каждый вотякъ непременно охотникъ и имѣетъ свое ружье. Чуть свободное время, онъ беретъ свой кожаный мѣшокъ съ порохомъ, лыкомъ выплетенный сосудъ съ дробью, допотопной работы ружье-кремневу, нерѣдко съ ложей самодѣльной, собаку и трубку, и направляется въ лѣсъ, зимой на лыжахъ, на далекия разстоянія отъ своей деревни, и нерѣдко днюетъ и ночуетъ на охотѣ по цѣлой недѣлѣ. Въ лѣсу вотякъ никогда не потеряется: по корѣ деревь, толщину ихъ, по просвѣту и чащѣ, по запаху, по мху и т. д. — по тѣмъ признакамъ, которые для насъ вовсе неуловимы, онъ легко ориентируется въ самыхъ глухихъ мѣстахъ.

Предметомъ добычи изъ птицъ служить по преимуществу рябчикъ и тетеревъ; изъ звѣрей болѣе всего бѣлка и заяць. Кромѣ того, ловятся лисицы и куницы — отравою, и волки — капканами. Медвѣдей бьютъ мало, потому что охота эта не по характеру и не по силамъ вотяку и сопряжена съ опасностью. Изъ всѣхъ родовъ охоты, вѣроятно, самая выгодная для вотяковъ есть охота на бѣлку и рябчика. Того и другого предмета охоты каждый вотякъ убиваетъ ежегодно въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ и, конечно, выручаетъ порядочную сумму. Рябчикъ обыкновенно обовами отправляется въ города вятской губерніи и Казань, а шкура бѣлки идетъ на рынки, преимущественно на нижегородскую ярмарку. Кромѣ выручки вотякъ пользуется еще изъ продуктовъ своей охоты мясомъ, такъ какъ бѣлка и зайчина составляютъ любимую пищу вотяковъ.

Ремесль и производствъ у вотяковъ почти совсѣмъ нѣтъ или очень мало. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гдѣ есть липа, они занимаются выдѣлкой мочала, дубья, плетениемъ кулей, рогожъ и циновокъ. Эти почти единственные продукты вотскаго производства запруживаютъ мѣстные рынки и отправляются на хлѣбныя пристани ближайшихъ городовъ — Сарапула, Елабуги, Уржума, Малмыжа и Казани.

Другія производства вотяковъ удовлетворяютъ по преимуществу ихъ собственнымъ нуждамъ. Такъ, для своей одежды вотяки фабрикуютъ домашнимъ образомъ сукна, которая, обладая большою прочностью и чистотою отдѣлки, обыкновенно предпочитаютъ сукнамъ русскаго крестьянина, несмотря на то, что вотскіе ткацкіе станки болѣе грубы и менѣе удобны, чѣмъ у рус-

скихъ. Крашенье, выпиванье и тканье есть дѣло женщинъ, которыя исполняютъ его очень искусно¹⁾.

Но есть еще одно весьма обширное производство у вотяковъ, на которомъ стоитъ остановиться, это — выкуриваніе кумышки. Кумышка есть мутный напитокъ, отвратительнаго до тошноты вкуса, съ сильнымъ запахомъ дыма. Несмотря на это, вотскій вкусъ находитъ кумышку очень прїятною, предпочитая ее русской водкѣ. Она выкуривается также, какъ и послѣдняя, только всегда изъ затхлой муки и въ меньшей пропорціи. Отвратительность вкуса и запаха кумышки, вѣроятно, происходитъ отъ того, что вотяки не даютъ ей хорошо выбродить и принимаются гнать, не заботясь объ отдѣленіи сивушнаго масла. Самая лучшая кумышка выкуривается дѣвушками, вѣроятно потому, что послѣднія прилагаютъ больше усердія; такая кумышка содержитъ не менѣе 15% спирта. Ею вотяки угощаютъ только своихъ родственниковъ и лучшихъ друзей и обыкновенно прячутъ подалѣе, зарывая въ землю въ подпольѣ для большей сохранности. Человѣкъ мало знакомый вотяку и вообще такой, который не успѣлъ заслужить особеннаго расположенія со стороны послѣдняго, никогда не можетъ рассчитывать на угощеніе этимъ цѣннымъ напиткомъ. Вотяки пьютъ кумышку обыкновенно изъ деревянныхъ чашекъ и притомъ очень медленно, чтобы имѣть время больше насладиться. Такое потягиванье кумышки изъ чашекъ по праздникамъ, какъ мы видѣли, продолжается день и ночь, пока она не произведетъ своего дѣйствія — одуренія.

Еще Миллеръ упоминаетъ о сильномъ развитіи среди вотяковъ какъ пьянства, такъ и производства кумышки. «Вотяки наипаче, — говоритъ онъ, — имѣютъ къ тому (къ пьянству) хорошій случай, потому что при завоеваніи ихъ земли отъ великаго царя Ивана Васильевича получили вольность сидѣть въ своихъ деревняхъ вино, что у черемисъ и чувашъ весьма рѣдко бываетъ»²⁾. Въ послѣднія 20 лѣтъ производство кумышки постоянно возросло и теперь доведено до невѣроятныхъ размѣровъ. Причиною сильнаго развитія винокурения между вотяками, вѣроятно, послужили бывшіе еще въ шестидесятыхъ годахъ питейные откупа. Много тогда вытерпѣли вотяки за тайное куренье кумышки; но ничто не могло остановить ея употребленія. У вотяковъ даже сохранилось преданіе, что сама царица Екатерина II, къ

¹⁾ Для крашенья вотячки сами готовятъ краску изъ дико-растущей марены и дубовой или ивовой коры.

²⁾ Миллеръ. Описаніе жилицкихъ въ казанской губерніи инородцевъ, яко-то вотяковъ, чувашъ и черемисъ, стр. 13.

которой они посылали выборныхъ для узнанія ея воли насчетъ крещенія, разрѣшила вотякамъ курить кумышку по слѣдующему случаю: въ одно время затонулъ у царицы корабль такъ, что нельзя было поднять его никакими усилиями. Тогда царица велѣла каждому изъ подвластныхъ ей народовъ молиться своему богу. Молитвы другихъ народовъ были тщетны; только когда вотяки помолились своему инмару, плеснувши на огонь кумышку, корабль началъ всплывать на поверхность воды по мѣрѣ того, какъ паръ отъ кумышки поднимался вверхъ (свѣц. Блиновъ). Такъ какъ откупной системой невозможно было остановить куренье кумышки, то законъ сдѣлалъ для вотяковъ уступку, позволивъ имъ курить кумышку безошливно, съ обязательствомъ покупать извѣстное число ведеръ водки, высчитывая по числу жителей. Водка, предназначенная вотякамъ, по цѣнѣ была низшаго сорта и носила названіе вотяцкой водки. Ничто, кажется, не могло быть несообразнѣе этого закона. Вотяки, чтобы не быть въ убыткѣ, разомъ открыли громадное производство кумышки, слѣдствіемъ чего явилось страшное развитіе между ними пьянства. Съ поднятіемъ акциза на водку производство кумышки должно было еще болѣе увеличиться. Съ этимъ вмѣстѣ явилась необходимость учредить, кромѣ обыкновенныхъ (Николина дня, Рождества, масляницы, Пасхи), новые праздники и даже лѣтомъ, чего прежде никогда не бывало. Эти лѣтніе праздники носятъ названія богомолий и празднуются передъ началомъ посѣва, сѣнокоса, жатвы, уборки хлѣба и даже предъ смотрѣніемъ меду у пчелъ; поминовеніе усопшихъ считается вотяками также за праздникъ, но въ особенности удобнымъ случаемъ истребленія кумышки служатъ свадьбы вотяковъ, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

В. БЕХТЕРЕВЪ.

ВОТЯКИ

ИХЪ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

Бытовые и этнографическіе очерки.

IV*).

Для вотяка свадьба такъ же обременительна, какъ и для русскаго крестьянина. Всѣ свои копѣйки отецъ-вотьякъ берегаетъ «до бѣды», подъ которой разумѣется также и свадьба сына или дочери. Устраивая свадьбу своего сына, вотьякъ въ одно и то же время и горюетъ и радуется; горюетъ потому, что свадьба для него составляетъ разореніе, а радуется потому, что въ домѣ его будетъ одной работницей больше. За невѣсту отецъ жениха долженъ всегда платить калымъ или выкупъ на томъ основаніи, что онъ получаетъ въ домъ работницу; со стороны же невѣсты требуется приданое, соответствующее калыму. Сообразно съ этимъ взглядомъ парни 18—20 лѣтъ часто женятся на особахъ старше себя, потому что каждому отцу семейства хочется удержать свою дочь возможно дольше въ своемъ домѣ, какъ работницу. Въ настоящее время калымъ возросъ среднимъ числомъ до 40 и 80 р. и составляетъ по-истинѣ тягость въ брачныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Еслибъ не начальство, говорить вотьякъ, то онъ

*) См. выше, августъ, стр. 621.

просто утащилъ бы себѣ тихонько невѣсту, не заботясь ни о калымѣ, ни о приданомъ.

Вотьякъ рѣдко женится по любви. «Время-ли хозяйку любить, — говоритъ онъ, — надо работать», поэтому наружная красота почти не играетъ никакой роли въ выборѣ невѣсты. Напротивъ, дородство и хорошее тѣлосложеніе считаются лучшими качествами жены, на обязанности которой должны лежать почти всѣ заботы о хозяйствѣ, всѣ домашнія работы, вскармливаніе и воспитаніе дѣтей, которые уже съ семи лѣтъ должны быть помощниками отцу въ работѣ. Если дѣти лѣнивы, то во всемъ виновата мать. Сообразно этому, положеніе женщины въ семьѣ всегда видное; во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ она пользуется большимъ вліяніемъ и мнѣніе ея уважается всѣми, что, какъ увидимъ ниже, объясняется также религіозными воззрѣніями вотьяковъ, считающихъ женщину существомъ одареннымъ даромъ прозорливости.

Вотьякъ, задумавши жениться, прежде всего высматриваетъ для себя невѣсту въ ближайшей деревнѣ, такъ какъ брать невѣсть изъ своей деревни — не въ обычай. Смотряны чаще всего производятся во время лѣтнихъ полевыхъ работъ и въ особенности на покосахъ, куда вотьячки всегда выходятъ одѣтыя по праздничному въ лучшія платья. Высмотрѣвъ невѣсту, вотьякъ стороной узнаетъ о состояніи ея родителей, о нравѣ невѣсты, о ея приданомъ и требованіяхъ родителей на-счетъ калыма, за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенно малое сватовство, которое исполняетъ отецъ жениха или посылается къ невѣстѣ на этотъ случай особый свать. Дѣло ведется всегда съ отцомъ невѣсты, который обыкновенно сначала не соглашается, или проситъ большой калымъ, или говоритъ, что невѣстѣ рано еще выходить замужъ. Торгъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока свать, согласившись на требуемый калымъ, не скрѣпитъ дѣло сватовства кумышкой, которую наливаетъ въ двѣ чашки — одну для отца невѣсты, а другую для себя. Оба пьютъ только до половины, а остальное вливаютъ въ одну чашку и подносятъ невѣстѣ, которая должна выпить до дна безъ остановки въ знакъ того, что она также постоянно будетъ любить своего будущаго мужа. Послѣ этого обычая женихъ тайно носитъ невѣстѣ подарки, состоящіе изъ полотенецъ, платья, пряниковъ и пр. Вскорѣ послѣ малаго сватовства начинается формальное большое сватовство. Вся родня жениха, захвативъ съ собой достаточное количество кумышки, пива и воды, ѣдетъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно договориться съ отцомъ невѣсты на-счетъ калыма и приданаго. Торгъ снова возобновляется еще съ большей силой противъ прежняго.

Наконецъ, окончательно условившись, отецъ жениха выноситъ свою кумышку и пиво и начинаетъ пиръ въ домѣ невѣсты. Калымъ выдается имъ въ назначенный день свадьбы или послѣ. Обыкновенно бываетъ такъ, что весь калымъ долженъ пойти на приданое и на свадебный пиръ.

Утромъ въ день свадьбы женихъ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и угощаетъ ихъ кумышкой, до которой самъ однако не касается, пока не угоститъ ею свою невѣсту. Затѣмъ, напившись вдоволь, всѣ садятся на лошадей, предварительно захвативши съ собой кумышки и пива, и мчатся къ невѣстѣ. Если послѣдняя была похищена, то къ невѣстѣ ѣдутъ только родственники жениха, послѣдній же дожидается ея дома. Лошади для молодыхъ должны быть не въ примѣръ лучше другихъ и украшаются по гривѣ и всей головѣ ленточками, а подъ шею и къ хвосту привязываютъ множество бубенчиковъ. Остановившись передъ домомъ невѣсты, поѣзжане посылаютъ дружку спросить, дома ли невѣста. Родители обыкновенно не сказываютъ ее дома, а потому весь поѣздъ возвращается обратно; но, остановившись на полдорогѣ, поѣзжане снова посылаютъ дружку спросить, не явилась-ли невѣста. Дружка возвращается опять съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Такъ случается до трехъ разъ, когда, наконецъ, дружка намекаетъ поѣзжанамъ, что, можетъ быть, невѣста спряталась гдѣ-нибудь дома, такъ какъ ей уйти некуда; всѣ быстро ухватываются за эту мысль и поѣздъ снова подкатываетъ къ дому невѣсты. Тогда начинается искъ по всей избѣ — осматриваютъ весь дворъ и многочисленныя клѣтки, пока дружка, какъ-будто нечаянно, не наведетъ поѣзжанъ на то мѣсто, гдѣ скрылась невѣста. Послѣднюю выводятъ насильно изъ убѣжища, а женихъ уговариваетъ ее идти съ нимъ въ избу; но ни усиленныя просьбы всѣхъ поѣзжанъ, ни обѣщанія жениха купить пряниковъ и подарить ей новый айшонъ не прельщаютъ невѣсту, которая, закрывшись платкомъ, съ крикомъ и плачемъ начинаетъ упираться, такъ что женихъ, не успѣвшій уговорить невѣсту, часто принужденъ бываетъ наказывать ее примѣрнымъ образомъ. Для этого дружка растагиваетъ среди двора коверъ, раскладываютъ невѣсту навзничь, а женихъ слегка ударяетъ палкой или бичомъ по подушкѣ, положенной на спину невѣстѣ. Послѣ этого невѣста становится уже послушною жениху, начинаетъ прощаться со всѣмъ, что было ей дорого въ родительскомъ дворѣ, бросается къ коровѣ, къ лошади, цѣлуетъ ихъ, бросается въ каждый уголъ и прощается со всякою вещью, какая попадетъ подъ руку; затѣмъ входитъ въ избу, гдѣ устраивается пиръ, на которомъ невѣста

дарить жениху праздничную рубашку, а поѣзжанамъ раздаетъ полотенца или платки, или просто доскутки ситца, за что они должны отдаривать кофѣйками. Затѣмъ пиръ переносится въ домъ жениха. Невѣсту съ крикомъ и шумомъ сажаютъ въ телѣгу въ то время, какъ она всѣми силами старается упираться и кричить. Передъ домомъ жениха невѣста снова начинаетъ крикъ, призываетъ родныхъ на помощь и не хочетъ выдти изъ телѣги. Въ этомъ случаѣ женихъ часто снова прибѣгаетъ къ бичу, доказывая имъ свою власть надъ невѣстой. Сдавъ невѣсту, весь поѣздъ три раза объѣзжаетъ домъ жениха, чѣмъ церемонія и кончается. Въ домѣ жениха невѣсту встрѣчаетъ свекоръ и свекровь съ хлѣбомъ и масломъ. Затѣмъ полонъ домъ набирается гостей, въ числѣ которыхъ главный жрецъ (торъ-картъ) играетъ самую видную роль. Церемонія брака начинается съ того, что жрецъ подходитъ къ столу и, взявши въ руки стаканъ пива, начинаетъ читать надъ нимъ о ниспосланіи молодымъ счастья. Все это время невѣста въ бабьемъ платьѣ должна стоять на колѣняхъ, закрывши лицо платкомъ. По окончаніи молитвы освященное пиво торъ-картъ даетъ пить молодымъ, послѣ чего обрядъ бракосочетанія считается оконченнымъ. Къ этому времени замужня бабы приносятъ на столъ новый бѣлый айпюнъ для молодухи, который гости обязаны украситъ серебряными деньгами; затѣмъ бабы надѣваютъ айпюнъ на невѣсту и сажаютъ ее вмѣстѣ съ женихомъ за столъ; послѣ чего свекоръ и свекровь, сотворивши молитву, начинаютъ угощеніе жениха и невѣсты; затѣмъ уже сама невѣста беретъ чарки съ кумышкой или пивомъ и обноситъ ими своихъ гостей, чѣмъ открывается свадебный пиръ. Пируютъ нѣсколько дней къ ряду, пока не выпито и не съѣдено все приготовленное къ пиру. Всѣ слѣдующіе дни молодая работаетъ усерднѣе всѣхъ, встаетъ раньше и ложится позже всѣхъ, иначе не скоро отпустятъ ее снова къ отцу, гдѣ она живетъ обыкновенно всю зиму, или до тѣхъ поръ, пока женихъ не уплатитъ калыма. Этотъ обычай возвращенія невѣсты послѣ брачнаго обряда на нѣкоторое время въ домъ отца до сихъ поръ еще крѣпко держится у всѣхъ вотяковъ. Уплативъ калымъ, мужъ еще разъ устраиваетъ пиръ въ домѣ тестя и окончательно водворяетъ жену въ своемъ хозяйствѣ, которая съ этихъ поръ уже не считается молодухой и должна носить вмѣсто бѣлаго красный айпюнъ. Если отецъ невѣсты почему-либо не хочетъ выдать дочь за такого-то жениха, послѣдній прибѣгаетъ иногда къ тайному сватовству: женихъ назначаетъ своей невѣстѣ гдѣ-нибудь за огородами тайное свиданіе и уговариваетъ ее переселиться къ

нему безъ вѣдома ея родителей. Съ согласія невѣсты назначается ночь, въ которую она должна быть похищена. Къ этому времени женихъ собираетъ всю свою родню, поить ее пивомъ и кумышкой, затѣмъ каждый членъ родни беретъ себѣ верховую лошадь, и всѣ скачутъ къ дому невѣсты, которая, по соглашенію, наряженная должна уже дожидаться своего похищенія. Женихъ садитъ ее на своего коня, а самъ беретъ его подъ уздцы и ведетъ вплотъ до своего дома. Во все время дороги невѣста старается казаться веселою, но предъ домомъ своего жениха начинаетъ притворное вытье—плачетъ и кричитъ, призываетъ къ себѣ на помощь своего отца, мать, родственниковъ, своихъ подругъ и, наконецъ, упрашиваетъ самихъ поѣзжанъ отпустить ее. Женихъ силой вводитъ ее въ свою избу, гдѣ невѣста начинаетъ бросаться во всѣ углы, желая показать видъ, что хочетъ вырваться изъ рукъ похитителей. Наконецъ ее запираютъ куда-нибудь въ темную клѣтку, гдѣ она продолжаетъ, по обыкновенію, свое вытье.—Узнавши о пропажѣ своей дочери, отецъ и родственники невѣсты съ шумомъ и крикомъ врываются въ домъ жениха, требуя выдачи невѣсты. Послѣдній, желая задобрить будущаго тестя, обыкновенно старается завести съ нимъ разговоръ о калымѣ, причемъ торгъ происходитъ часто такимъ образомъ, что отецъ невѣсты стоитъ предъ женихомъ съ нагайкой въ рукѣ и каждый разъ, какъ послѣдній не соглашается на уплату требуемаго калыма, безцеремонно ударяетъ его по спинѣ; затѣмъ, условившись насчетъ калыма, будущій тестъ подходитъ къ дверямъ клѣтки, гдѣ продолжаетъ выть запертая невѣста, и спрашиваетъ, нравится ли ей новое житье? Дочь обыкновенно отвѣчаетъ, что житье ей хотя и плохо приходится, но для милаго она на все готова; послѣ чего женихъ выставляетъ на столъ пиво и кумышку и скрѣпляетъ мировую.

Иногда похищеніе совершается и въ томъ случаѣ, когда невѣста не даетъ своего согласія жениху. Тогда невѣста увозится насильно, разбойнически. Приготовивши для умыканія невѣсты сани или телѣгу, смотря по времени года, женихъ собираетъ въ свой домъ родныхъ, напаяваетъ ихъ кумышкой и затѣмъ всѣ въ числѣ 10—15 человекъ, вооруженные палками, бичами,—словомъ, кто чѣмъ могъ, отправляются къ дому невѣсты. Эта шайка смѣльчаковъ входитъ прямо въ чумъ, гдѣ спитъ невѣста и безцеремонно схватываетъ ее. На крикъ несчастной пробуждаются ея родители, родственники и сосѣди; начинается драка, свалка и, если поѣзжане одолѣли, то они увозятъ невѣсту къ жениху и держатъ нѣсколько дней въ заперти; въ противномъ

случаѣ дѣло кончается отступленіемъ и считается неудачей. Къ похищенной вскорѣ пріѣзжаютъ ея родители и родственники, съ обычнымъ крикомъ врываются въ домъ жениха и заводятъ ссору съ побѣдителями. Но благоразумный женихъ заботится обыкновенно прежде всего выставить на столъ побольше кумышки, зная навѣрное, что шумный пиръ заставитъ упорныхъ родителей склониться на сдѣлку о калымѣ. Наконецъ, покончивши всѣ пререканія, родители съ невѣстой отправляются домой, гдѣ она остается до дня свадьбы. Подобныя разбойничьи похищенія всегда, впрочемъ, оканчиваются полюбовнымъ образомъ. Не было еще случаевъ, чтобы обиженный отецъ и оскорбленная невѣста жаловались начальству и доводили дѣло до суда.

Съ принятіемъ христіанства языческой брачный обрядъ, т.-е. принятіе освященнаго пива женихомъ и невѣстою, естественно, долженъ былъ замѣниться христіанскимъ таинствомъ. Сообразно съ этимъ обычай свадебнаго дня измѣнились. Что же касается малаго и большого сватовства, похищенія невѣсты и тайнаго сватовства, то все это исполняется крещеными вотяками точно такъ же, какъ и некрещеными.

Въ день свадьбы, также какъ и у некрещеныхъ вотяковъ, женихъ устраиваетъ поѣздъ къ невѣстѣ. По прежнему родители скрываютъ отъ поѣзжанъ свою невѣсту, пока наконецъ послѣдніе сами не отыщутъ ее и не введутъ насильно въ избу, гдѣ начинается общее пированіе; затѣмъ женихъ съ невѣстой садятся на тройку и вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ начинаютъ кататься по деревнѣ. Вечеромъ того же дня совершается и церковный обрядъ, если поѣздъ не запируется такъ долго, что свадьбу приходится отложить до слѣдующаго дня. Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу родители невѣсты вбиваютъ нѣсколько мѣдныхъ грошей въ стѣнки своей избы по всѣмъ четыремъ сторонамъ въ знакъ дорогой памяти о пребываніи дочери въ ихъ домѣ. Затѣмъ по христіанскому обычаю мать и отецъ благословляютъ свою дочь иконою, невѣста же, по обычаю, съ плачемъ прощается какъ со всѣми своими домашними, такъ и всякой вещью, цѣлуетъ всѣ углы и столы, наконецъ предъ выходомъ должна немного посидѣть на лавкѣ, на порогѣ и на крыльцѣ, и наконецъ, поклонившись своимъ родителямъ, садится вмѣстѣ съ женихомъ на приготовленную телѣгу съ лошадьми, украшенными бубенчиками и ленточками. Послѣ вѣнца пиръ устраивается обыкновенно въ домѣ жениха. На третій день свадьбы молодые ѣдутъ на табани къ своимъ родителямъ съ подарками, состоящими изъ толстого хол-

ста или новыхъ лаптей, причемъ невѣста предъ родителями должна казаться веселой бабой.

Молодые обыкновенно недолго послѣ вѣнца живутъ вмѣстѣ; вскорѣ невѣста, какъ и у вотяковъ-язычниковъ, отправляется въ домъ къ своимъ родителямъ и живетъ здѣсь до уплаты калыма, который отдается обыкновенно послѣ продажи хлѣба, т.-е. къ веснѣ, предъ началомъ полевыхъ работъ. При возвращеніи молодой обратно въ домъ мужа обыкновенно совершаются языческіе брачные обряды, безъ которой свадьба не считается дѣйствительной. Родители, родственники и всѣ гости, участвующіе на пирѣ въ послѣдній день пребыванія невѣсты въ домѣ отца, верхами сопровождаютъ молодую къ ея мужу. Поѣздъ встрѣчаютъ родители мужа и самъ мужъ съ пивомъ и хлѣбомъ, нарѣзаннымъ кусками. Прежде всего подходитъ дружка, обмѣнивается нѣсколькими словами съ родителями, отпиваетъ нѣсколько пива и беретъ хлѣбъ, послѣ чего по знаку дружки весь поѣздъ обѣзжаетъ домъ мужа, затѣмъ подходитъ другой дружка и т. д. Эта церемонія происходитъ столько разъ, сколько человекъ въ поѣздѣ. Наконецъ хозяинъ подходитъ къ молодой и ея матери, предлагаетъ имъ пиво и хлѣбъ; послѣдніе обыкновенно не съ-разу соглашаются. Затѣмъ весь поѣздъ отправляется въ избу; здѣсь совершается угощеніе отъ молодухи. Отецъ мужа въ шпикѣ садится въ передній уголъ, рядомъ съ нимъ новобрачный, а на лавкѣ всѣ поѣзжане.

Самое угощеніе здѣсь бываетъ оригинально. Молодая наливаєтъ по маленькой чашкѣ кумышки, какъ себѣ, такъ и всѣмъ гостямъ и съ поклономъ подноситъ чашечку каждому гостю. Эта церемонія обыкновенно продолжается долго, такъ какъ пить вдругъ не принято, считается невѣжествомъ; поэтому гость, отпивши немного, отдаётъ чашечку со словами: «ме, ме, ме» (т.-е. возьми)», хозяйка же стоитъ предъ гостемъ, приговаривая постоянно: «ю, ю, ю, (т.-е. пей, пей), пока не будетъ выпита вся чашка, иначе ее сочли бы скрягой. Во время такихъ праздниковъ вотяки забываютъ свою скупость и кто бы въ гости ни пришелъ, хозяйка всѣхъ должна щедро угощать кумышкой и пивомъ, пока хватаетъ запасу. Если бы вздумалъ гость отказаться отъ предложеннаго угощенія, то хозяева дома непременно сочтутъ своей обязанностію обидѣться и послѣ уже никогда не угостятъ его, такъ какъ вотяки никакъ не могутъ представить себѣ, чтобъ гость не могъ пить кумышки и пива.

За каждой выпитой чашкой кумышки всѣ гости обходятъ съ пѣснями кругомъ стола. Послѣ такого угощенія дружка садитъ

молодую рядомъ съ мужемъ и затѣмъ начинается обѣдъ. Молодая во время обѣда должна сидѣть съ закрытымъ лицомъ и снимаетъ покрывало только за послѣднимъ блюдомъ, чѣмъ обрядъ и заканчивается. Въ новомъ семействѣ молодую называютъ не собственнымъ именемъ, а именемъ того чума, изъ котораго она взята. Если въ домъ ея приходитъ кто-нибудь изъ ея деревни или чума, то молодая обыкновенно снимаетъ айшонъ и повязывается платкомъ въ знакъ воспоминанья, что она въ томъ селѣ была еще дѣвушкой.

Свадьбы вотяковъ болѣею частію случаются зимой послѣ святокъ, когда работы бываетъ не много. Лишь только объявляется одна свадьба, какъ всѣ дома, въ которыхъ также предвидѣлась свадьба, стараются устроить ее въ тотъ же день, такъ что иногда въ вотскихъ деревняхъ бываетъ до пяти и болѣе свадебъ разомъ и пирующие такимъ образомъ переходятъ изъ одного дома въ другой, не успѣвая протрезвиться. Свадебные пиры вотяковъ представляютъ видъ самой безобразной оргіи. Нигдѣ не бываетъ такого пьянства, шума и крика, часто переходящаго въ драку и побоище, какъ на пирахъ вотяковъ. Участвуютъ въ пирушкѣ обыкновенно всѣ безъ различія пола и возраста, съ исключеніемъ развѣ малолѣтнихъ дѣтей. Молодые парни являются сюда часто съ гармоникой, балалайкой, съ пузырьремъ¹⁾, а иногда и съ гуслими²⁾. Подъ звуки такого оркестра пирующие начинаютъ пляску. У вотяковъ нѣтъ собственнаго національнаго танца, а потому тѣ вотскія деревни, которыя расположены ближе къ русскимъ, заимствуютъ пляску отъ послѣднихъ. Въ глухихъ же деревняхъ, гдѣ не могло быть вліянія русскихъ, вся пляска вотяковъ состоитъ изъ однообразной толчеи на одномъ мѣстѣ безъ всякаго выраженія удовольствія и безъ живости. Оригинальнѣе же всего видѣть, что въ пляскѣ участвуютъ часто одни только старики, въ то время какъ молодые парни стоятъ въ сторонѣ и смотрятъ на удовольствіе своихъ отцовъ, или составляютъ свой кругъ и начинаютъ пляску на манеръ русской съ крикомъ и прищелкиваніемъ. Здѣсь же можно слышать и

1) Пузыремъ называется духовой инструментъ, устраиваемый изъ бычачьего пузыря, въ который вставляются флейтовая трубочка, такъ что при пожиманіи пузыря и извѣстномъ передвиженіи дудочки получаются звуки.

2) Гусли представляютъ обыкновенно 15-ти-струнный ручной инструментъ, похожий нѣсколько по устройству на арфу, только дуга устраивается менѣе круто, и струны протягиваются отъ одного колѣна дуги къ другому. Игра на этомъ инструментѣ требуетъ большого навыка, а потому и мало встрѣчается мастеровъ этого дѣла. Игрой на гуслихъ чаще занимаются женщины.

пѣсни, хотя тоже заимствованныя. Собственныхъ оригинальныхъ пѣсенъ вотяки не имѣютъ. Обыкновенно вотякъ самъ сочиняетъ свою пѣсню экспромтомъ и поетъ тогда про все, что вздумается: потерялъ полупубокъ — онъ сочиняетъ ему панегирикъ и поетъ, гдѣ бы ему найти его. Мнѣ привелось слышать, какъ одинъ отставной солдатъ, возвратившись домой, вмѣсто разсказа о своей солдатской жизни, началъ пѣть про свое житье-бытье коверканнымъ русскимъ языкомъ. Онъ началъ пѣть, гдѣ бывалъ, что видѣлъ и что терпѣлъ, но такъ несвязно, что мало можно было вынести изъ его легендарнаго разсказа: «Всю землю бывалъ, вездѣ рѣзга давалъ», заключилъ пѣвецъ. Въ то же время всѣ вотяки, слушающіе его монотонное пѣніе, всхлипывали. Вообще въ пѣсню вотяка входятъ всѣ окружающіе его предметы, часто безъ всякой связи. Увидитъ ли зайца, — онъ поетъ — заяцъ бѣжитъ, заяцъ пробѣжалъ; ѣдетъ ли вотякъ чрезъ рѣчку, онъ поетъ: рѣчка течетъ, ой рѣчка бѣжитъ. «Идетъ вотякъ полемъ, — говорятъ о нихъ русскіе, — про поле поетъ, лѣсомъ идетъ, про лѣсъ пѣсню ведетъ». Если нѣтъ предъ глазами предмета, достойнаго вниманія, онъ поетъ про старое, вспоминаетъ прошлое, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и куда идетъ. Эти монотонныя рулады заканчиваются всегда припѣвомъ: «ой до! ай дуду! ай дошу!» Во всѣхъ пѣсняхъ вотяка мотивъ заунывный, медленный, тихій; слышится грусть забитой души, сдавленной житейскими обстоятельствами, не такъ, какъ въ русскихъ пѣсняхъ — скорбь мощной природы, подломленной судьбою, а тихая грусть, скрытая сама въ себѣ, грусть души безсильной, слабой; это не скорбь объ утраченномъ дорогомъ предметѣ, а горе о самой его жизни. Вотъ почему и во время свадебныхъ пировъ никогда не слышно веселыхъ вотскихъ мотивовъ. Впрочемъ, вотяки, вѣроятно, чувствуя бѣдность своей поэзіи, въ послѣднее время перенимаютъ свадебныя пѣсни отъ своихъ сосѣдей — русскихъ или татаръ, передѣлывая ихъ на свой ладъ; такъ что русскій человѣкъ, передавшій вотяку свою пѣсню, часто не въ состояніи потомъ и узнать ее.

V.

Религія вотяковъ-язычниковъ есть чистѣйшій шаманизмъ. Главные боги вотяковъ имѣютъ мѣстопребываніе или въ небесномъ пространствѣ или въ водѣ, въ лѣсныхъ дебряхъ, въ пустыхъ жилищахъ — вообще вдали отъ человѣка; только жрецы

имѣютъ прямое сношеніе съ этими божествами, простымъ смертнымъ они недоступны.

Главный добрый богъ вотяковъ называется Инмаръ, жилище котораго на солнцѣ. Онъ имѣетъ мать—Муму-кальцина или Муциенъ, которая располагаетъ плодородіемъ всей земли, размноженіемъ людей и животныхъ. Къ добрымъ же богамъ принадлежатъ: Шунды-муму, мать солнца, и компанъ-дисъ, духъ хранитель. Изъ злыхъ боговъ главный Кереметь или Шайтанъ. Онъ живетъ на землѣ и можетъ имѣть жилище во всѣхъ мѣстахъ—въ лѣсу, въ водѣ, въ пустыхъ домахъ и заходитъ даже въ жилища избы, откуда его нужно изгонять ежегодно дубинками и огнемъ. Любимое его занятіе—мучить человѣка. Въ лѣсахъ живутъ: Алида, лѣшій; у него одинъ большой глазъ и одна нога на изворотѣ; иногда задушаетъ людей; Чатчесь-нюня (буквально лѣсной или раменный дядя) или Нюлесь-нюня—есть божество подобное Алидѣ, если не одно и то же. Въ деревняхъ, по преимуществу въ пустыхъ домахъ и баняхъ, живетъ Албастъ, который много проказитъ въ этихъ мѣстахъ. Чтобы изгнать его оттуда, нужно старая изба и всякаго рода ветхія, нежилая строенія предавать огню. Въ водѣ живетъ Ву-муртъ (водяной); для предупрежденія негріятностей съ его стороны, необходимо при переѣздѣ чрезъ рѣку бросить въ воду горсть травы со словами: «не держи меня».

Такимъ образомъ всѣ боги вотяковъ дѣлятся на двѣ группы, добрыхъ и злыхъ боговъ. Первые имѣютъ жилище въ небесномъ пространствѣ, вторые поселились на землѣ. Въ каждую группу входятъ главные боги и второстепенные. Къ главнымъ божествамъ принадлежатъ тѣ, кругъ дѣятельности которыхъ не ограниченъ ни временемъ, ни пространствомъ. Въ группѣ добрыхъ такимъ богомъ является Инмаръ, въ группѣ злыхъ Шайтанъ или Кереметь. Другихъ злыхъ боговъ вотяки не особенно боятся, «лишь бы только не повстрѣчаться съ ними».

Съ понятіемъ Инмара вотяки связываютъ имя бога благого и правосуднаго, и промыслителя вселенной. Иногда къ слову Инмаръ прибавляется Колысінъ, что значитъ истинный, а предъ именемъ Инмаръ ставятъ нарѣчіе «вылысь»—вверху или сверху, т. е. всевышній. Инмаръ господствуетъ надъ всей вселенной, въ которой нѣтъ ничего дурного, все хорошо, кромѣ Шайтана и грѣховъ «урома»¹⁾. Послѣдній, впрочемъ, грѣшитъ не самъ

¹⁾ Уромъ собственно означаетъ другъ, но, какъ и здѣсь, употребляется обыкновенно въ смыслѣ человѣкъ.

собою, а по проискамъ Шайтана. Шайтанъ или Кереметь совершенно независимъ отъ Инмара, равносильнъ ему и неповиствующихся истребляетъ болѣзнями и несчастьями. Вообще все зло на землѣ происходитъ отъ Керемета, вотъ почему вотяки при всякомъ несчастіи стараются прежде всего умоливать его. По понятіямъ вотяковъ, Инмаръ и Кереметь были родные братья и первоначально были оба боги добрые; но Кереметь впоследствии сдѣлался злымъ, какъ увидимъ ниже, вслѣдствіе ссоры съ Инмаромъ.

О сотвореніи міра вотяки ничего не знаютъ, но люди, растенія и животныя обязаны своимъ существованіемъ Инмару. Перваго человѣка Инмаръ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ первоначально въ рай, т. е. въ прекрасномъ саду, состоящемъ изъ самыхъ лучшихъ плодовыхъ растеній—орѣшника, яблоней и грушевыхъ деревьевъ. Вообще въ этомъ саду всего было вдоволь. Плодами райскихъ растеній уромъ первоначально и питался. Сотворивъ человѣка и все существующее на землѣ, Инмаръ, какъ старшій братъ, послалъ Керемета осмотрѣть землю, все ли сотворенное на ней хорошо. Кереметь нашель все благополучнымъ, но когда зашелъ въ рай, то увидѣлъ урома скучающимъ. Кереметь донесъ объ этомъ Инмару, который приказалъ своему брату научить урома дѣлать кумышку—напитокъ, имѣющій свойство разгонять скуку. Когда же Кереметь снова осматривалъ землю, то опять нашель урома печальнымъ, несмотря на то, что послѣдній безпощадно курилъ кумышку и старался ежедневно развеселить себя. Инмаръ послѣ этого не повѣрилъ Керемету, упрекнулъ его во лжи и ужасно разсердился на своего брата. Разобиженный Кереметь плюнулъ Инмару въ лицо и скрылся; это обстоятельство и подало поводъ къ вѣчной ссорѣ между ними. Послѣ того Инмаръ самъ пошелъ осматривать свои творенія и дѣйствительно нашель урома скучнымъ. На вопросъ Инмара, почему онъ скученъ—послѣдній отвѣчалъ, что ему необходима жена. Инмаръ поспѣшилъ исполнить его желаніе съ условіемъ не пить уже въ продолженіи года кумышки, которую успѣлъ осквернить Кереметь. Весело началъ жить уромъ съ своей женою въ раю; но Кереметь не забылъ оскорбленія отъ своего брата, и такъ какъ онъ былъ равносильнъ Инмару, то и сдѣлалъ на зло послѣднему жену любопытною и прозорливою¹⁾. Въ свою очередь Инмаръ проклялъ Керемета, который,

¹⁾ Благодаря этому, какъ мы видѣли, мнѣніе жены въ дѣлахъ житейскихъ у вотяковъ всегда пользуется большимъ вѣсомъ.

разозлившись на своего старшаго брата, началъ осмѣивать его творенія и мстить ему, производя безпорядокъ на землѣ и вводя урома въ грѣхъ. Такъ однажды жена перваго урома, увидавши покрытую чашку, въ которой хранилась оскверненная Кереметомъ кумышка и несмотря на повелѣніе Инмара не прикасаться къ этой кумышкѣ, по своему любопытству открыла чашку, отпила немного изъ нея и поднесла своему мужу. Съ этого времени первые люди сдѣлались грѣховными и смертными (потому что Кереметь посадилъ въ чашку съ кумышкой смерть) и были выгнаны изъ рая, лишившись даже благословенія плодиться и множиться. Инмаръ однако далъ человѣческому роду благословеніе на размноженіе только послѣ своего вторичнаго творенія. О послѣднемъ вотяки сохранили слѣдующее представленіе. Послѣ первой неудачи Инмаръ по своему милосердію сотворилъ въ другомъ мѣстѣ нѣсколько паръ мужей и женъ снова изъ красной глины, а для охраны ихъ отъ Керемета приставилъ къ каждой парѣ по огромному черному псу.

Съ тѣхъ поръ, какъ Инмаръ далъ собакѣ такую почетную должность, каждый вотякъ долженъ имѣть у себя въ домѣ это благородное животное для охраненія отъ Керемета и его злыхъ умысловъ. Вообще собака въ религиозныхъ воззрѣніяхъ вотяка играетъ видную роль. Она изъ всѣхъ животныхъ почитается самымъ приближеннымъ къ Инмару; она надѣлена даромъ предвидѣнія, дающимъ ей возможность знать все, что дѣлаетъ Инмаръ и Кереметь; къ тому-же она способна прогонять отъ человѣка Шайтана. Поэтому, когда собака лаетъ безъ видимой причины, вотяки увѣрены, что своимъ лаемъ она выражаетъ злобу на усмотрѣннаго ею Шайтана. Вслѣдствіе такого взгляда собаки въ вотяцкихъ домахъ пользуются вообще большимъ почетомъ и составляютъ необходимую принадлежность нѣкоторыхъ обрядовъ, напр. при поминовеніи усопшихъ. Вотяки увѣждены, что Инмаръ не прекратилъ и въ настоящее время своего творенія и впредь будетъ продолжать творить. Поэтому, увидавши какую-нибудь невиданную имъ вещь, вотякъ разсматриваетъ ее съ живѣйшимъ любопытствомъ въ той увѣренности, что она только недавно получила свое существованіе. Сами-же вотяки, какъ потомки вторично сотворенной Инмаромъ пары, не считаютъ себя способными на грѣхъ, потому что, по ихъ словамъ, человѣкъ, сдѣлавшись послѣ вторичнаго творенія совершенно послушнымъ Инмару, не можетъ уже сдѣлать самъ собою грѣха, а если Кереметь и учитъ его дѣлать зло, то на это Инмаръ не обращаетъ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что Инмаръ съ

Кереметомъ въ постоянной ссорѣ. Вообще Кереметь ¹⁾ въ вѣрованіи вотяковъ представляется существомъ озлобленнымъ, мстящимъ, поражающимъ человѣчскій родъ различными бѣдствіями, болѣзнями и страданьями, дѣлающимъ всевозможныя неприятели для человѣка, за что вотяки и прозвали его Шайтаномъ ²⁾. Такъ первымъ дѣломъ Керемета было скрыть глубоко подъ землю (находившуюся сначала на поверхности) красную глину, изъ которой были сотворены первые пары людей, чтобы исполненіе повелѣнія Инмара—зарывать покойниковъ въ глину, встрѣтило для человѣка множество препятствій и затрудненій. Согласно съ этимъ вѣрованіемъ вотяки всегда хоронятъ своихъ покойниковъ въ красной глинѣ, а если ей нѣтъ близко, то нарочно ѣздятъ за ней въ другія глинистыя мѣста. Если они долго не могутъ докопаться до глинистой почвы, то начинаютъ ругать за это Шайтана: «оста Инмаръ, палка Шайтанъ тындмъ» (Господи помилуй, палкой бы тебя, Шайтанъ!).

Насколько чувственны и наивны представленія вотяковъ о своихъ богахъ, можетъ показать передаваемый г. Островскимъ ³⁾ очень характерный случай, относящійся ко времени 40-хъ годовъ: «У вотяковъ малмыжскихъ сталъ родиться плохо хлѣбъ. Долго думали, какъ помочь горю, наконецъ додумались: хлѣбъ не родится потому, что Кереметь скучаетъ, а чтобы развлечь его, надо добыть ему жену. Съ этою цѣлью въ первый же базарный день старики ѣдутъ въ Чуру. Угостивши хорошо вліятельныхъ изъ тамошнихъ обывателей, они сообщаютъ имъ о своемъ горѣ и средствѣ помочь ему. Послѣдніе изъявили согласіе. Вслѣдствіе этого обѣ стороны порѣшили, что за женой Керемету малмыжскіе вотяки приплотъ выборныхъ. Около Петрова дня ночью выборные пріѣзжаютъ въ Чуру на тройкахъ съ колокольцами и съ бубенчиками, во всемъ какъ быть свадебному поѣзду, и прямо отправляются въ Кереметь ⁴⁾. Тамъ пировали всю ночь: вятскіе вотяки не скупились на угощеніе, только бы добыть Керемету жену. Раннимъ утромъ поѣздъ отправился въ обратный путь, увозя съ собой кусокъ дерна мѣрою въ квадратный аршинъ,

¹⁾ Такъ какъ у нѣкоторыхъ народовъ финскаго и татарскаго племени этимъ-же именемъ называются мѣста, въ которыхъ приносятся жертвы для умилостивленія злого божества, то и производятъ названіе Кереметь отъ арабскаго: «кереметь»—что значить все неприкосновенное, священное.

²⁾ Это слово, вѣроятно, взято изъ того же источника, откуда и наше—«сатана» т.-е. изъ еврейскаго языка.

³⁾ Труды казанскаго общ. естествоиспыт., вып. IV.

⁴⁾ Мѣсто моленія Керемету.

вырѣзанный въ Керемети». Трудно понять, какой смысл имѣлъ въ данномъ случаѣ кусокъ земли: можетъ быть, онъ представлялъ символъ богини земли и плодородія, и тогда эта оригинальная свадьба имѣла бы можетъ быть тотъ смыслъ, что, обвинявши Керемета на Муму-Кальцина, вотяки могли надѣяться, что тѣмъ умилостивятъ Керемета, и плодородіе подѣ влияніемъ его новой супруги вновь возвратится въ ихъ страну.

Не менѣе грубы понятія вотяковъ о смерти и загробной жизни. Смерть, по ихъ представленіямъ, не есть дѣло естественной необходимости, а признается дѣломъ Шайтана. Поэтому они боятся смерти и покойниковъ, какъ орудія Шайтана, и никогда не плачутъ при могилѣ. Со смертью члена семьи вотяки не прикасаются ни къ одной изъ тѣхъ вещей, которыя были въ рукахъ покойника, и даже бросаютъ ихъ или въ лѣсъ или въ могилу, считая ихъ оскверненными; а для своего очищенія отъ бывшаго сношенія съ покойникомъ совершаютъ омовеніе въ банѣ. Такой взглядъ заставляетъ скупыхъ вотяковъ всегда варварски обращаться съ тяжело-больными. Ихъ держатъ часто полуобнаженными и вмѣсто мягкой постели располагаютъ на грудѣ соломы, оставляя больного безъ всякаго ухода и присмотра, а послѣ смерти вслѣдствіе страха стараются какъ можно скорѣе схоронить покойнаго. По понятіямъ вотяковъ, люди послѣ смерти продолжаютъ такой же образъ жизни, какъ и на землѣ среди живыхъ, пользуясь всѣми чувственными удовольствіями и даже женами. На этомъ основаніи въ гробъ съ умершимъ вотяки кладутъ всѣ необходимые для хозяйства предметы и тѣ вещи, которыя особенно любилъ покойникъ, напримѣръ, кочетыгъ для плетенія лаптей, лыко, трубку, блины, вино и сумку съ деньгами; въ ротъ верѣдко кладутъ кусокъ коровьяго масла или сушеной говядины, смотря по тому, чѣмъ любилъ покойникъ лакомиться. Съ той же цѣлью бросаютъ на почъ пищу за крыльцо, полагая, что, если положенной въ гробъ пищи оказалось мало, то голодный покойникъ можетъ придти и подобрать ее у крыльца. Деньги, по представленію вотяковъ, необходимы покойнику для того, чтобы онъ могъ на томъ свѣтѣ откупиться отъ мученья.

Если не класть въ могилу всѣ необходимыя хозяйственныя вещи, говорятъ вотяки, то покойникъ будетъ сильно беспокоить своихъ домашнихъ; придетъ за нужнымъ къ оставшимся въ живыхъ и, кромѣ того, что разстроитъ ихъ хозяйство, въ гнѣвѣ уведетъ съ собой сыновей, жену, внучатъ и другихъ родственниковъ, которые ему нужны на томъ свѣтѣ, какъ работники для обзаведенія хозяйствомъ. Въ силу того же вѣрованія вотяки

стараются задобрить покойниковъ, устраивая въ пользу ихъ многочисленныя поминки, принося на ихъ могилу блины, пиво и кумышку.

Будущая жизнь для всѣхъ кроткихъ, благочестивыхъ и праведныхъ представляется въ видѣ блаженной райской жизни — дуніа-югитъ, гдѣ существуетъ все милое и заманчивое для вотяка въ настоящей жизни. Всѣ же злые и неправедные наследуютъ въ будущемъ горькую жизнь — куратсинъ-интї, гдѣ находится тысяча котловъ съ кипящею смолою, какъ мѣсто наказанія за грѣхи земной жизни. Самыми тяжкими преступленіями, заслуживающими небесной кары, считаются: безбожіе, клятвопреступничество, убійство, ссоры, кража и порча человѣка колдовствомъ и отравой.

При томъ дуалистическомъ вѣрованіи, гдѣ Инмаръ представляется духомъ добрымъ и милостивымъ и Кереметь — духомъ злымъ и мстящимъ, естественно, что весь религіозный культъ вотяковъ, какъ народа невѣжественнаго, долженъ склониться въ пользу почитанія злого божества. Инмаръ, какъ богъ безгрѣшный и добрый, говорятъ они, не можетъ вводить человѣка въ грѣхъ, дѣлать ему зло и по своему милосердію не требуетъ большихъ жертвъ, между тѣмъ Кереметь, какъ богъ злой, напускающій на человѣка болѣзни, смерть и производящій всякія бѣдствія, требуетъ постояннаго и усерднаго умилостивленія. Вотъ почему почти всѣ общія богомолія вотяковъ имѣютъ характеръ поклоненія злему божеству — Керемету. Инмаръ же, по ихъ представленію, довольствуется одними молитвами и небольшими жертвами. Мѣстомъ общихъ моленій злему божеству служатъ кереметы или луды. Такъ называются находящіяся близъ каждой некрещенной деревни липовыя или березовыя рощи, гдѣ каждое дерево назначено для извѣстнаго жителя ближайшей деревни и никто другой, кромѣ собственника, не можетъ совершать при этомъ деревѣ богослуженія. Деревья въ лудѣ опоясываются на вышинѣ трехъ аршинъ отъ земли лыкомъ или ленточкой съ пихтовымъ вѣнчикомъ. Во время богослуженія каждый вотякъ стоитъ при своемъ деревѣ и читаетъ про себя молитвы въ то время, какъ главный жрецъ приноситъ жертву. Молитвы при деревѣ считаются болѣе достигающими цѣли, потому что береза, липа, дубъ и ель любимыя мѣста Керемета. Нѣкоторыя деревни имѣютъ нѣсколько лудовъ, но не всѣ они одинаково почитаются: одни, главные, предназначаются для моленія цѣлымъ округомъ, другіе только для одного селенія. Общія моленія Керемету совершаются по случаю повальныхъ болѣзней, падежей скота, неурожая и пр. Въ такомъ

случаѣ вотяки собираются въ лудъ въ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ; женщины здѣсь обыкновенно не присутствуютъ. При жертвоприношеніи на общемъ моленіи необходимо участіе главнаго жреца, или туно. Послѣдній предъ обыкновенными людьми пользуется тѣмъ преимуществомъ, что имѣеть возможность сношенія съ духами и божествами, получаетъ отъ нихъ помощь и совѣты и иногда можетъ ихъ заставить дѣлать по своему желанію; онъ считается охранителемъ луда и никто, кромѣ самого туно, не имѣеть права приносить жертву въ лудъ. Это священное и высокопочитаемое между вотяками званіе передается всегда по наслѣдству и только съ прекращеніемъ рода передается другому родоначальнику по рѣшенію общаго схода. Но кромѣ туно присутствуютъ при богослуженіи еще особыя ворожеи—ведьны, или ясновидящія, которые видятъ, какъ крадутъ, куда спрятаются покражу; они видятъ, какъ духъ напускаетъ болѣзнь, и посредствомъ ворожбы умѣють открывать покражу и снимать болѣзнь съ человѣка. Ведьны также имѣють силу посредствомъ колдовства превращать людей въ звѣрей. Ворожатъ обыкновенно на хлѣбъ, соль, уголь, бобы, воду и т. п. Въ отношеніи служенія Керемету обязанность ведьны состоитъ въ назначеніи времени богомолья и въ помоганіи при богослуженіи въ качествѣ колдуна. Кромѣ того, на время общихъ богомолій, если жертвъ представляется очень много, пзбираются еще изъ родоначальниковъ особыя помощники жрецовъ или карты. Они читають молитвы и закаляютъ обреченныхъ на жертву животныхъ. Карты бываютъ постоянныя и временныя, выбираемыя только на время моленія; послѣдніе по окончаніи жертвоприношеній слагають съ себя обязанность карта и уже не пользуются никакими привилегіями предъ обыкновенными смертными; между тѣмъ постоянныя карты несутъ и другія обязанности, напримѣръ, они даютъ имена новорожденнымъ. Въ этомъ случаѣ картъ беретъ младенца на руки и начинаетъ качать безъ всякой осторожности, пока ребенокъ не заплачетъ, перебирая въ то же время различныя вотьскія имена. При какомъ имени ребенокъ перестаетъ плакать, то и назначаетъ ему. Этотъ же обрядъ совершается иногда инымъ способомъ: картъ беретъ камень и огниво и начинаетъ высѣкать огонь, перебирая различныя имена; новорожденный получаетъ то имя, при которомъ трутъ загорится. Впрочемъ, обрядъ назначенія имени новорожденному не всегда требуетъ присутствія карта; иногда дѣло происходитъ гораздо проще. Въ домъ, гдѣ находится родильница, приходитъ старуха-родственница, беретъ на руки младенца и даетъ имя, какое ей взбрететь

на умъ, напримѣръ, шакта, что значитъ соръ, квака—ворона, эсенкулъ, заберъ и т. п. Въ этомъ случаѣ старуха, кажется, руководится именами тѣхъ предметовъ, которые прежде всего бросаются ей въ глаза при входѣ въ избу родильницы.

Ко времени служенія Керемету въ лудъ ставится обыкновенно грубо отесанный идолъ въ видѣ коня или другого какого-нибудь животнаго, смотря по тому, что требуетъ Кереметь. Избраніе животныхъ для жертвы точно также зависитъ отъ туно, который еще прежде богомолья отправляется въ лудъ, куда въ обыкновенное время ни одинъ вотякъ не имѣеть права входить, и спрашиваетъ Керемета, что ему нужно. Затѣмъ, возвратившись, объявляетъ, что Кереметь требуетъ быка или лошадь черной масти. Въ такомъ случаѣ вотяки обязаны во что бы то ни стало найти опредѣленное туномъ животное, не останавливаясь ни предъ какими цѣнами. Случается часто, что Кереметь назначаетъ животное той именно масти, какое существуетъ только у самого туно. Въ такомъ случаѣ послѣдній беретъ съ бѣдныхъ вотяковъ сколько ему вздумается. Количество жертвъ зависитъ отъ количества семей, присутствующихъ на богомольѣ. При закланіи особенной обрядности не бываетъ.

Обыкновенно предъ закланіемъ жрецъ пробуетъ, угодна ли жертва Керемету, поливая спину животнаго водой. Если животное вздрогнетъ, значитъ жертва угодна Керемету; въ противномъ случаѣ животное считается негоднымъ и замѣняется другимъ. Распластавши животное, жрецъ обрѣзываетъ уши, легкое, сердце и кишки, промываетъ ихъ въ водѣ и варитъ въ особомъ котлѣ надъ костромъ. Когда котель вскипитъ, внутренности раскладываются въ особой чашкѣ, и часть изъ нихъ бросается въ огонь, куда бросаются также части хлѣба, яиць, пива—словомъ всего, что привозятъ вотяки на богомолье; другая часть, а также и кости предназначаются собакамъ. Если дымъ отъ огня поднимется высоко вверхъ, то жертва угодна богу; если раздерутся собаки изъ-за брошенныхъ имъ кусковъ—это тоже хорошій признакъ. Въ другомъ котлѣ варится мясо жертвеннаго животнаго, а шкура или бросается въ огонь или жрецъ беретъ ее себѣ. Все время, пока въ котлѣ варится мясо и въ огнѣ горятъ части жертвенныхъ приношеній, туно и всѣ вотяки становятся на колѣни и молятся Керемету, причемъ туно читаетъ молитву, относящуюся къ тому случаю, по которому совершается моленіе. Когда мясо сварится, всѣ приступаютъ къ бѣдѣ жертвеннаго приношенія, остатки же везутъ домой. По вбровалью

вотьяковъ все заколотое въ честь Керемета не умираетъ, а идетъ живьемъ въ жилище послѣдняго.

Частныя жертвы Керемету совершаются по случаю домашнихъ бѣдствій, напримѣръ, по случаю болѣзни члена семьи. Въ такомъ случаѣ вотьякъ призываетъ туно и спрашиваетъ: чего хочеть Кереметь? Туно назначаетъ жертву, которая обыкновенно приносится не тотчасъ, а иногда откладывается на очень долгое время. Въ такомъ случаѣ вотьякъ дѣлаетъ только закладъ Керемету: беретъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и завертываетъ ихъ въ грязную тряпку со словами: «на эти деньги, Кереметь, куплю я для тебя лошадь, а ты давай больному жизнь»; затѣмъ беретъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и складываетъ въ ту же тряпочку: «серебромъ украсу гриву твоего коня»; наконецъ, сыплетъ въ тряпочку муки, приговаривая: «напечемъ тебѣ хлѣба, только давай больному здравье». Эта тряпочка съ закладомъ вѣшается гдѣ-нибудь къ потолку или надъ крышей своего чума. Такихъ закладовъ или «посуловъ» накопляется въ иномъ дому до десятка и болѣе.

Когда страданія больного не уменьшаются, то значитъ, что Кереметь требуетъ неотступно жертвы. Въ такомъ случаѣ вотьякъ отправляется странствовать по деревнямъ и ярмаркамъ на поиски за лошадью извѣстной масти, назначенной туно; за цѣной обыкновенно не стоитъ. Предъ самымъ молениемъ — хозяйка дома печетъ прѣсныя хлѣбы, которые предъ тѣмъ, какъ садитъ въ печь, пятнаетъ щепоткою. Затѣмъ вотьякъ беретъ яйца, соль и хлѣбы, снимаетъ тряпочку, въ которой завернуто обѣщанное, беретъ вупленного для Керемета коня и идетъ вмѣстѣ съ туно въ лудъ, гдѣ приносится все это въ жертву съ тѣми же обрядами, какъ и при общихъ моленяхъ. Замѣчено, что бѣднаго вотьяка Кереметь рѣже тревожитъ, потому что Кереметь знаетъ, что бѣдняку нечѣмъ кормить его. Бѣдный и общается, да не жертвуетъ или обманываетъ Керемета, давая вмѣсто обѣщаннаго коня барана или поросенка. Въ послѣднемъ случаѣ вотьякъ обыкновенно не колетъ жертвенное животное въ лудъ, а душитъ его еще дома, иначе Кереметь узнаетъ по крику, что ему вмѣсто коня даютъ свинью, и еще больше разгнѣвается. И богатый тоже нерѣдко обманываетъ Керемета: вмѣсто барана даетъ зайца, вмѣсто гуся даетъ какую-нибудь мелкую птичку, причѣмъ во время жертвы вотьякъ обыкновенно произноситъ: «на тебѣ, Кереметь, гуся», — хотя и не гусь приносится въ жертву, да Керемета всегда можно обмануть.

Моленія доброму богу у вотьяковъ совершаются въ ихъ соб-

ственномъ чумѣ или квала, о которыхъ мы упоминали выше. Въ этомъ чумѣ на полѣхъ у вотьяковъ-язычниковъ иногда помѣщается «воршудъ» или идолъ, представляющій козью голову или высохшаго рабчика въ закрытой корзинкѣ. При частныхъ жертвахъ рѣдко призывается жрецъ, а обязанность его исполняется обыкновенно старшимъ въ родѣ. Въ жертву Инмару обыкновенно приносится хлѣбъ, вино и какое-нибудь мелкое животное. Крупныхъ жертвъ на частныхъ моленяхъ не бываетъ, потому что милостивый Инмаръ всегда довольствуется малымъ.

Отецъ семейства закаляетъ животное и мясо варить надъ очагомъ; онъ же читаетъ молитву предъ воршудомъ во время жертвы въ то время, какъ всѣ члены семьи молятся Инмару о ниспосланіи урожая, объ охранѣ скота и т. д. Послѣ молитвы хлѣбъ, мясо и вино идутъ въ пищу молящемуся семейству. Частныхъ жертвъ бываетъ много, но рѣдко изъ животныхъ, а жертвуется обыкновенно только то, что идетъ на завтракъ т.-е. хлѣбъ, каша, блины, медъ и т. п. Нѣкоторыя жертвы носятъ, такъ сказать, спеціальныя характеры, напримѣръ, пчеловоды для успѣшнаго пчеловодства приносятъ въ жертву пестраго дятла, какъ истребителя пчелъ.

Общія моленія доброму богу совершаются только во время праздниковъ. Моленіе обыкновенно совершается въ особыхъ чумахъ — будзімъ-квалѣ (большой шалапъ). Это нежилые чумы, во всемъ схожіе съ тѣми чумами, какіе существуютъ у каждаго домохозяина на дворѣ. Только при этомъ шалапѣ находится особый придѣлецъ, гдѣ хранится пепель съ очага и кости жертвенныхъ животныхъ. Такіе чумы находятся не во всякой деревнѣ.

Для жертвоприношенія въ будзімъ-квалѣ приглашается жрецъ, который называется будзімъ-квалѣ-утісь, т.-е. большого шалапа хозяинъ. Жертвоприношеніе и моленіе исполняется также какъ и въ частныхъ жертвахъ. Количество жертвъ бываетъ всегда незначительно. Сообразно каждому празднику жрецъ читаетъ особыя молитвы. Но въ настоящее время, нѣкоторые праздники у вотьяковъ утратили то значеніе, которое они безъ сомнѣнія нѣкогда имѣли, такъ что во время ихъ не совершается особыхъ моленій, а праздники доставляютъ только удобный предлогъ попить на славу. Съ этою же цѣлью вотьяки устраиваютъ иногда особые праздники, кромѣ обыкновенныхъ, а язычники празднуютъ даже и христіанскіе большіе праздники, какъ напримѣръ Рождество, Пасху и т. п.

VI.

Палласъ во время своего путешествія нашель у вотяковъ четыре главныхъ праздника въ году: бучимъ-нуналь — новый годъ, совпадающій почти съ нашей Святой недѣлей; тулисъ-нуналь — лѣтній праздникъ послѣ посѣва хлѣбовъ, когда молятся матери-землѣ; виссеско-нуналь — день предъ сѣнокосомъ: во время этого праздника, вотяки молятся о ясной погодѣ и облегченіи въ работѣ, а въ жертву приносятъ пестраго дятла; и кереметь-нуналь — по окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ. Въ настоящее же время вотяки имѣютъ гораздо болѣе праздниковъ. Такъ они празднуютъ появленіе весны, во время вскрытія рѣкъ — акаліны (ледъ провозать); посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ празднуется подь именемъ гирины-кучкони¹⁾. Наконецъ, поздно осенью, въ концѣ сентября, сѣверные вотяки празднуютъ дожинки хлѣба — сюрлюгуй. У женщинъ существуютъ свои праздники. Такъ, шортъ-лискони — когда бабы начинаютъ моты мыть, и дэрэ-чужаны — во время бѣленья новинъ. Кромѣ того, некрещенные вотяки вмѣстѣ съ крещеными празднуютъ и христіанскіе праздники: новый годъ — виль-аръ, Крещеніе, Пасху — будзимъ-нуналь (великій день), Троицынъ день, Благовѣщеніе — эяды-култони (бросать сани) и Петровъ день — кваръ-суръ (листовое пиво, потому-что тогда подь жертвенное пиво подкладывають зеленыя древесныя вѣтви). Крещеные вотяки вмѣстѣ съ некрещеными празднуютъ также и языческіе праздники.

Праздники вотяковъ начинаются богомольями и жертвоприношеніями, о которыхъ мы уже сказали выше и продолжаются дня по три, по пяти и по недѣлѣ, смотря по тому, богатое ли селеніе и насколько времени можетъ хватить заготовленной кумышки, пива и меду. Все время праздниковъ обыкновенно проводится въ пированіи съ утра до глубокой ночи. Тогда пьяные вотяки катаются на лошадяхъ и, взявшись рука объ руку и напѣвая свое любимое: «ой до, ой-ду-ду!» безцѣльно бродятъ по селенію, причемъ мужчины обыкновенно держатся съ мужчинами, бабы съ бабами, а дѣвушки составляютъ свой кругъ. Какъ происходитъ самый пиръ, мы уже имѣли случай говорить.

Изъ языческихъ праздниковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія праздникъ изгнанія Шайтана, который совершается на

¹⁾ Въ глазовскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ носитъ названіе окашки, а казанскіе вотяки около того же времени празднуютъ зинъ, замствованный по всей вѣроятности отъ татаръ.

страстной недѣлѣ или вскорѣ послѣ Рождества, смотря по назначенію жреца. Вотяки убѣждены, что если они изгонятъ Шайтана изъ своихъ деревень, то онъ уже не долженъ болѣе являться къ нимъ и только благодаря своей пронырливости и непослушанію, къ концу года Шайтанъ снова успѣваетъ проникнуть въ вотскія избы, чтобы вводить бѣднаго урома въ грѣхъ; поэтому Шайтана слѣдуетъ изгонять ежегодно, чтобъ онъ не успѣлъ надѣлать много зла. Этотъ оригинальный праздникъ изгнанія Шайтана до сихъ поръ упорно держится у вотяковъ-язычниковъ малмыжскаго и елабужскаго уѣздовъ, а крещеные вотяки глазовскаго уѣзда только недавно отказались отъ него.

Праздникъ начинается приготовленіями. Недѣли за двѣ старья и молодья вотячки ставятъ при деревенской рѣчкѣ рядъ небольшихъ балагановъ для выкуриванія кумышки. Каждая семья готовить по крайней мѣрѣ до 10 ведеръ кумышки. Между тѣмъ, мужчины дня за четыре до праздника дѣлаютъ деревенскій сходъ и требуютъ отъ туно указанія животнаго, котораго необходимо принести въ жертву Керемету. Жрецъ, отъ котораго исключительно зависитъ избраніе жертвы, въ данномъ случаѣ въ особенности часто злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ односельцевъ, такъ какъ праздникъ изгнанія Шайтана вотяками почитается однимъ изъ самыхъ важныхъ и ослушаться указаній туно они никогда не осмѣлятся.

Наканунѣ или въ самый день схода, жрецъ отправляется въ лудъ и спрашиваетъ Керемета о требуемой жертвѣ. Сообразно съ цвѣтомъ шерсти назначеннаго для жертвы животнаго, туно кладетъ извѣстнаго цвѣта лоскутъ въ привязанный посреди луда къ ѣлкѣ ящикъ (мѣсто объявленія воли Керемета), уѣбруя простодушныхъ вотяковъ, что лоскутъ положенъ въ ящикъ самимъ Кереметомъ. Наконецъ, жрецъ является на общую сходку и объявляетъ, что Кереметъ требуетъ быка или лошадь, напри- мѣръ, черной масти.

Когда всѣ приготовленія для праздника окончены, вотяки въ полдень собираются въ лудъ и приступаютъ къ исполненію жертвы Керемету. Обрядность при совершеніи моленія въ этотъ праздникъ та же, что и при другихъ моленіяхъ и поэтому намъ нѣтъ надобности повторять то, что было говорено выше. По возвращеніи съ моленія всѣ вотяки выѣзжаютъ посреди деревни на верховыхъ и здѣсь старики начинаютъ обсуждать, какія мѣры необходимо принять для изгнанія Шайтана изъ деревни и съ котораго дома начать. Совѣщаніе нерѣдко сопровождается страшнымъ крикомъ и бранью. Наконецъ, вотяки, привязавъ лошадей

къ изгороди, вооружаются бичами, цѣпами, липовыми палками и пугами зажженной лучины, которыхъ Шайтанъ особенно боится, и съ пронзительнымъ крикомъ начинаютъ ударять по всѣмъ угламъ избы и двора, послѣ чего выбѣгаютъ на улицу, захлопнувъ за собой ворота и плюнувъ на выгнаннаго Шайтана. Точно такимъ же образомъ изгоняютъ Шайтана изъ другихъ избъ. Наконецъ, покончивши со всѣми дворами, вотяки садятся на лошадей, становятся въ рядъ и, махая во всѣ стороны палками и бичами, съ такимъ же крикомъ несутся вдоль улицы вмѣстѣ съ бѣгущими за ними мальчиками. На всемъ скаку бросаютъ всѣ свои орудія за деревней и, плюнувъ еще разъ въ лицо Шайтана, считаютъ его окончательно прогнаннымъ изъ своего селенія въ другую вотскую деревню, откуда изгоняютъ его подобнымъ же образомъ. Изгнаніе Шайтана кончается продолжительнымъ пьянствомъ изгонявшихъ.

Этотъ чрезвычайно чтимый вотяками праздникъ показываетъ со всюю яркостью, съ какой низкой степенью развитія мы здѣсь встречаемся. Кто видѣлъ вотяковъ хоть разъ во время этого праздника, тотъ съ трудомъ повѣритъ, что этотъ народъ существуетъ на европейской почвѣ. Въ это время дикость вотяковъ обнаруживается во всей своей силѣ. Горе тому, кто бы захотѣлъ помѣшать имъ въ изгнаніи Шайтана. Были случаи, что остервенѣвшіе вотяки убивали несчастныхъ, которые вздумали невинно помѣшаться надъ ихъ невѣжествомъ.

Христіанскіе праздники крещенные вотяки проводятъ нѣсколько иначе. Въ большіе праздники—Пасху и Рождество, каждый вотякъ считаетъ своею обязанностью купить свѣчу и отправляется въ церковь.

По окончаніи службы всѣ вотяки служатъ общій молебенъ и отправляются домой пировать. Къ этому времени хозяйка накрываетъ столъ и ставитъ большую чашку кумышки. Отецъ семьи беретъ каравай хлѣба и краюшку срѣзываетъ для себя, а прочимъ даетъ по маленькому ломтику. Для каждаго члена семьи ставится особая чашечка и отецъ разливаетъ всѣмъ кумышку изъ большой чашки. Но пить еще никто не долженъ, пока отецъ, взявши за руку своего любимаго сына или дочь, не сходитъ на крыльцо вмѣстѣ съ чашечкой кумышки и ломтикомъ хлѣба принести Инмару молитву о дарованіи насущнаго хлѣба и здоровья его семьѣ. По возвращеніи отца въ избу начинается трапеза, по окончаніи которой отецъ со своей семьей отправляется пировать къ своимъ сосѣдямъ, оставляя въ дому малолѣтнихъ ребятъ часто на произволь судьбы. Нерѣдко слу-

чается, что отецъ, запиравшись, совершенно забываетъ о дѣтяхъ, которые остаются голодными, пока кто-нибудь, случайно проходившій мимо, не войдетъ въ избу на крикъ дѣтей и не накормитъ ихъ. Надо сказать, что вотяки никогда не стѣсняются тѣмъ, что не застанутъ въ избѣ хозяевъ (которые по всей вѣроятности гдѣ-нибудь тоже пируютъ въ людяхъ), и преспокойно начинаютъ сами распорядиться домашними припасами. Такимъ образомъ вотяки въ продолженіи недѣли или двухъ переходятъ изъ одной избы въ другую.

Поминки по умершимъ бываютъ двоякаго рода—частные и общіе. Первые правятся одной семьей въ память своего умершаго и не раньше какъ послѣ сна, видѣннаго кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ умершаго; общіе поминки бываютъ въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, и въ семикъ. Въ день поминокъ вся семья собирается въ томъ домѣ, гдѣ жилъ покойникъ. На столъ ставится кумышка, пиво и блины. Обрядность поминокъ заключается въ томъ, что всѣ присутствующіе наливаютъ себѣ по чашечкѣ кумышки и оборачиваются лицомъ къ сѣверу; затѣмъ родоначальникъ читаетъ молитву, въ которой проситъ Инмара облегчить мѣки покойнаго, дать ему свѣтлое жилище (тюня-югитъ), и спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится покойный. По окончаніи молитвы отецъ беретъ верхній блинъ и, обмакнувши его въ кумышку, бросаетъ собакѣ. Если она съѣдаетъ этотъ блинъ—значитъ, что покойному на томъ свѣтѣ живется весело и хорошо, и всѣ поминающіе начинаютъ пировать, приглашая на свой пиръ умершаго. Если же собака отвернется отъ брошеннаго ей блина, то покойному живется очень дурно и всѣ съ горестью расходятся по домамъ.

У крещенныхъ вотяковъ поминки происходятъ иначе. Они ставятъ къ порогу корыто съ зажженными восковыми свѣчами; крошатъ въ него блины, поливаютъ коровьимъ масломъ и совершаютъ молитву Инмару. Затѣмъ каждый поминающій съѣдаетъ по кусочку, остальное же бросаютъ собакамъ. Иногда поминки совершаются еще проще. Желаящій помянуть своихъ родителей поймаютъ у себя на дворѣ курицу и идетъ къ рѣчкѣ, гдѣ и закалываетъ ее въ честь умершихъ со словами: «не сердитесь, родители, что даю вамъ только кровь!» Затѣмъ курица уносится домой и составляетъ одно изъ блюдъ семейнаго стола. Такія мѣста, гдѣ закалываются животныя въ честь умершихъ, существуютъ не только во всякой языческой деревнѣ, но часто и въ христіанскихъ селеніяхъ и называются «относами».

Любопытно также содержаніе молитвъ, съ которыми вотякъ

обращается къ своему божеству. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ два весьма важныя сообщенія, относящіяся къ разному времени. Первый, собравшій молитвы вотяковъ, былъ Герценъ ¹⁾; затѣмъ въ 1869 году напечатано было собраніе г. Чежегова ²⁾.

Нельзя не обратить вниманія на различіе того и другого сборника. Несомнѣнно, что вотскія молитвы имѣютъ характеръ чисто народныхъ молитвъ, а потому, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они могутъ измѣняться сообразно условіямъ времени и мѣста, какъ относительно внѣшней формы, такъ и содержанія. Такъ, въ молитвахъ 1838 г., молящійся исключительно высказываетъ прошенія о насущныхъ потребностяхъ, ни разу не упоминая о благодарности богу, которая только въ видѣ намека проглядываетъ въ молитвѣ при жертвоприношеніи («мы отдаемъ тебѣ быка съ золотою шерстью»). Отсутствіе внутренняго содержанія этихъ молитвъ сознаетъ и самъ молящійся («господи, мы мало молимся, ты самъ все устрой; мы мало знаемъ и мало говоримъ»). Кромѣ того, старыя молитвы ограничиваются матеріальными предметами прошенія, которые принимаютъ фантастическіе образы («чтобы отъ одного зерна было 77 колосевъ, чтобы кладуха была такъ велика, какъ велико небо, чтобы голова у коня была золотая» и т. д.) Напротивъ, въ молитвахъ, собранныхъ г. Чежеговымъ въ 1869 году, кромѣ сверхъестественныхъ прошеній о матеріальныхъ нуждахъ, также какъ и въ первыхъ, встрѣчаются уже просьбы о духовныхъ потребностяхъ—объ избавленіи отъ бѣдъ и несчастій, объ огражденіи отъ злыхъ духовъ, моленія о мирѣ и благополучіи и объ оставленіи грѣховъ; но самое важное отличіе новыхъ молитвъ, то что въ нихъ уже выражается благодарность богу за оказанныя имъ милости («благодаримъ господя бога, что далъ намъ хорошей погоды, хорошей травы и пособилъ скоро скосить и собрать въ стога сѣно»).

Религіозныя вѣрованія, какъ и вообще бытъ народовъ неразвитыхъ подвергаются измѣняющему вліянію со стороны болѣе развитыхъ сосѣдей. Что касается вотяковъ, то мы видѣли не разъ, какъ подъ вліяніемъ христіанства и сосѣдства русскихъ измѣнились ихъ бытовыя черты и обрядовая сторона ихъ религіознаго ученія. Точно также главною причиною перемѣны въ молитвахъ вотяковъ сравнительно съ прежними слѣдуетъ считать,

¹⁾ Вятск. губер. вѣдом. 1838 г.

²⁾ Вят. губерн. вѣдом. 1869 г.

по справедливому замѣчанію г. Чежегова, болѣе близкое знакомство съ сосѣдами-русскими и вліяніе христіанской религіи ¹⁾. Къ числу такихъ же нововведеній христіанскаго ученія принадлежатъ и почитаніе угодника Николая. Почти у всѣхъ вотяковъ-язычниковъ Николай-чудотворецъ почитается не менѣе ихъ собственныхъ боговъ. Такъ, ежегодно во время великаго поста крещенные и некрещенные вотяки изъ уѣздовъ сарапульскаго, малмыжскаго и елабужскаго отправляются цѣлыми тысячами въ село Березовку, бирскаго уѣзда, на р. Камѣ для поклоненія явленной иконѣ св. Николая. Точно также вотяки усердно посѣщаютъ всѣ церкви имени св. Николая; крещенные служатъ молебны, а некрещенные ставятъ предъ иконой свѣчи, становятся на колѣни и, не крестясь, кладутъ земные поклоны. У вотяковъ елабужскихъ есть даже преданіе, что Николай по любви своей къ русскимъ самъ поселился въ русскомъ селѣ Березовѣ, а три его меньшихъ брата, по имени «Булдъ»—покровители вотяцкаго народа—разсѣялись по вотяцкимъ деревнямъ; поэтому вотяки съ незапамятныхъ временъ каждое третье лѣто при громадномъ стеченіи народа приносятъ жертвы въ лѣсахъ при деревнѣ Старой Зюмѣ—старшему и въ дер. Арліановой—среднему Булдѣ. Поклоненіе младшему Булдѣ установилось сравнительно недавно въ Варзіатчинскомъ краѣ елабужскаго уѣзда по слѣдующему случаю. Въ 1826 году мѣстные туны и ведыни объявили, что младшій «Булдо» явился на Варзіатчинской горѣ и думаетъ здѣсь установить свое постоянное мѣстопребываніе. Немедленно были разосланы по всѣмъ сосѣднимъ вотяцкимъ деревнямъ повѣстки, и на Варзіатчинскую гору скоро стеклось несмѣтное количество вотяковъ изъ уѣздовъ елабужскаго, сарапульскаго, уржумскаго и малмыжскаго. Съ этого времени по приговору собравшагося народа установилось каждый третій годъ приношеніе жертвы младшему Булдѣ, въ продолженіи одной недѣли, отъ всякаго домашняго скота.

Точно также къ вотякамъ перешли повѣрья русскаго народа о лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и оборотняхъ, которые въ глазахъ народа получаютъ особенное суевѣрно-религіозное значеніе. Эти русскія повѣрья до того глубоко вкоренились въ убѣжденія вотяковъ, что на каждомъ шагѣ заставляютъ ихъ опасаться встрѣтиться по несчастному случаю съ нечистой силой. Изла-

¹⁾ По замѣткѣ, что для точности сравненія сборниковъ и правильности вывода надо бы предположить, во-первыхъ, что оба сборника сдѣланы въ одной и той же мѣстности, и, во-вторыхъ, что оба представляютъ полный составъ молитвъ, которыя здѣсь были въ употребленіи. Авторъ не упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ.—Ред.

гать этихъ повѣрій мы не будемъ, такъ какъ они не составляютъ особенности вотяцкаго племени, а цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, приняты имъ отъ русскихъ.

Многіе финнологи, начиная съ почтеннаго академика Миллера, признавали, что религія вотяковъ тождественна съ религіей черемисъ. Этимъ только и объяснимо то обстоятельство, что нѣкоторые изслѣдователи и въ настоящее время не обращали должнаго вниманія на религіозный культъ вотяковъ, довольствуясь только выясненіемъ религіозныхъ вѣрованій черемисъ. Это ошибочное мнѣніе, повидимому, находило для себя опору въ томъ, что сами вотяки часто говорятъ про себя, что «у нихъ съ черемисами одна вѣра». Но это не должно бы останавливать болѣе точнаго изслѣдованія. По нашему мнѣнію, это сознаніе оправдывается тѣмъ, что вездѣ, гдѣ вотяки имѣютъ своими близкими сосѣдями черемисъ, эти два народа, такъ-сказать, сливаются между собою, т.-е. обмѣниваются не только своими бытовыми чертами, но и перенимаютъ другъ отъ друга религіозный культъ. Въ такомъ случаѣ вотяки, какъ болѣе слабый элементъ предъ черемисами, должны менѣе вліять на послѣднихъ, чѣмъ послѣдніе на первыхъ. Подобное сліяніе народностей намъ удалось прослѣдить, напр. въ уржумскомъ уѣздѣ, гдѣ вотьскія деревни перемѣшиваются съ черемисскими, причемъ вотяки настолько утратили свои племенные черты, что ихъ почти нѣтъ никакой возможности отличить отъ ихъ сосѣдей. Сліяніе въ этомъ уѣздѣ произошло въ такомъ размѣрѣ, что вотяки, не признавая никакихъ отличій своихъ боговъ отъ боговъ черемисъ, исполняютъ богослуженіе вмѣстѣ съ послѣдними въ однихъ Кереметахъ, принося общія жертвы. Это сліяніе между религіознымъ культомъ вотяковъ и черемисъ можетъ совершаться тѣмъ легче, что мифологія этихъ двухъ народовъ, какъ и всѣхъ вообще финскихъ племенъ, существуетъ много общихъ чертъ. Тѣмъ не менѣе, признавая нѣкоторое сходство въ религіяхъ вотяковъ и черемисъ, этихъ двухъ сосѣднихъ и родственныхъ народовъ, несомнѣнно сильно вліявшихъ другъ на друга, мы далеки отъ того, чтобы совершенно отождествлять ихъ. Вездѣ, гдѣ только вотяки не соприкасаются съ черемисами, ихъ религіозный культъ рѣзче отличается отъ черемисскаго. Въ своемъ трудѣ мы указывали по этому религіозныя воззрѣнія преимущественно вотяковъ глазовскихъ, сарапульскихъ и елабужскихъ, гдѣ вліяніе черемисъ едва ли имѣло мѣсто. Всякій хорошо знакомый съ религіей черемисъ, прочитавши послѣднюю часть нашего труда, легко увидитъ то различіе, которое существуетъ между двумя религіями.

ми. Для лицъ же менѣе знакомыхъ съ этимъ дѣломъ мы позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Религія черемисъ, по сравненію съ религіей вотяковъ вообще, можно сказать, гораздо выработаннѣе и сложнѣе, и мифологія ихъ опредѣленнѣе. Боги ихъ имѣютъ особыя жилища въ своей странѣ, имѣютъ свою семью, дворъ, и у всѣхъ существуютъ особыя слуги и докладчики. Слуги приводятъ въ исполненіе опредѣленія боговъ, т.-е. несутъ милости или наказанія людямъ, а докладчики доводятъ до свѣдѣнія боговъ о нуждахъ людей. Къ первымъ принадлежатъ пуйоршэ и піамбары, ко вторымъ — вѣтнязе, шукче и серлагыжъ. Всѣ боги составляютъ семью главнаго — Юмо-Куружа (богъ вседержитель), почитаемаго за творца вселенной и человѣка. Каждый богъ, а равно его слуги и докладчики, получаютъ особыя жертвы, соразно своему значенію и могуществу.

Но кромѣ того, у черемисъ существуетъ цѣлая многочисленная семья земныхъ божествъ. Такъ, отдѣльными божествами считаются: Каваюмо — охранитель нивы, Сескя-юмо — богъ плодовъ, Кандэ-юмо — богъ хлѣба, Муйкшъ-юмо — богъ пчелъ, Волэкъ-юмо — богъ скота, Кайкъ-уса-юмо — богъ птицъ и звѣрей, Пайша-юмо — богъ, завѣдующій всякими работами, и Агуны-кугызя — добрый духъ, охраняющій овины. Всѣмъ этимъ божествамъ у вотяковъ соответствуетъ одна только богиня — Муму-Кальпина. Сверхъ того, у черемисъ существуетъ еще множество божествъ на различные случаи, чего нѣтъ у вотяковъ. Такъ, Юмо-эрге-пурутъ, дающій дѣтей, и Ашъ-юмо, присутствующій при рожденіи ребенка, Кугурня-юмо — богъ недѣли, Кугече-юмо — богъ большого дня или Пасхи, и т. д.

Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свое отдѣльное мѣстопробываніе, жилище и дворъ, съ неистощимымъ запасомъ хлѣба, драгоценныхъ одеждъ, лошадей и птицъ. При нихъ находятся свои слуги и докладчики въ количествѣ, соответствующемъ ихъ могуществу.

Кромѣ всѣхъ этихъ добрыхъ божествъ, черемисы почитаютъ еще духа-хранителя — Вачеваль-шукче, соответствующаго вотьскому Салтанъ-дису. Вачеваль-шукче считается хранителемъ человѣка отъ искушеній дьявола и отъ порчи. Точно такую же роль въ черемисской религіи играетъ Шочень-аба, которая печется, болѣею частью, о малолѣтнихъ со дня ихъ рожденія.

Изъ злыхъ черемисскихъ боговъ, самый важный — Чибулатъ или Курокъ-кугузя. Къ жертвамъ ему черемисы приступаютъ не иначе, какъ сваривши предварительно шорбу (на-скоро сва-

ренное пиво), сходятъ въ баню и надѣваютъ праздничное платье. Затѣмъ для жертвоприношенія нарочно пекутъ прѣсные хлѣбцы изъ ржаной муки и въ средину хлѣбца втыкаютъ по серебряной монетѣ. Жертва изъ лошади или быка приносится въ рощѣ, близъ ручья или озера, гдѣ находится дерево, любимое мѣстопребываніе Чибулата. У послѣдняго, кромѣ того, находится своя семья и подчиненные ему духи: 1) Пямборъ, которому приносятъ такую же жертву, какъ и Чибулату. У Пямбора находятся: Водышь, Ужедыжь, Азрень и Пи—особые прислужники. Имъ приносятъ въ жертву куръ, гусей и утокъ. 2) Шыртъ и 3) Водыжь, при которыхъ находятся — Ужедыжь и Азрень. Первымъ приносятъ зайца, а вторымъ—курицу. 4) Масникъ—ему жертвуютъ гуся; 5) Калка-орблъ — привратникъ Чибулата. Находящіеся въ сосѣдствѣ съ черемисами вотяки также усердно почитаютъ Чибулата.

Къ числу злыхъ черемисскихъ божествъ принадлежитъ также Кереметь, соотвѣствующій вотяцкому Керемету или Шайтану. Но черемисскій Кереметь имѣетъ свою семью, чего нѣтъ у вотяковъ. Къ послѣдней принадлежатъ: 1) Пямаръ, у котораго существуетъ Ужедыжь и Азрень; 2) Шыртъ и 3) Водышь. Кромѣ того, у самого Керемета существуютъ свои Ужедыжь и Азрень.

Мифическія повѣрья о Кереметѣ у казанскихъ и вятскихъ черемисъ различны. Первые, какъ извѣстно, почитаютъ Керемета меньшимъ братомъ Юмы, который, по гордости, захотѣлъ дѣлать то же, что и самъ Юмо. Такъ, когда Юмо творилъ землю, то велѣлъ Керемету, плававшему по безграничнымъ водамъ въ видѣ селезня, достать со дна морского земли. Кереметь, дѣйствительно, спустился на дно и досталъ земли, но отдалъ Юмѣ не всю землю, а часть оставилъ во рту. Когда Юмо на поданную землю дунулъ и велѣлъ покрыть ею воды (первоначально все было покрыто водой) и Кереметь также выбросилъ свою землю изъ рта. Гдѣ бросилъ землю Юмо, тамъ получились равнины, прекрасныя пастбища и лѣса, а гдѣ плюнулъ Кереметь, тамъ получились горы и голыя скалы. Въ другой разъ, когда Юмо творилъ шукчѣвъ изъ камня, ударяя по немъ тяжелымъ молотомъ, причемъ отлетавшія искры превращались въ шукчѣвъ, Кереметь, во время сна Юмы, захотѣлъ дѣлать то же; но, вмѣсто шукчѣвъ, искры отъ ударовъ молота Керемета превращались въ злыхъ духовъ. При сотвореніи Юмою человѣка, Кереметь снова вмѣшался. По словамъ южныхъ черемисъ, когда Юмо сотворилъ

тѣло перваго человѣка и отошелъ въ другое мѣсто для сотворенія души, оставивъ при тѣлѣ чернаго пса, какъ хранителя, Кереметь не замедлил воспользоваться отсутствіемъ Юмы и, для того, чтобы склонить на свою сторону пса, охраняющаго человѣческое тѣло, произвелъ такой колодъ, что песь едва не замерзъ, а когда Кереметь снабдилъ пса густою шерстью, то послѣдній, въ благодарность къ Керемету, допустилъ его къ тѣлу. Тогда Кереметь плюнулъ на тѣло человѣка, чѣмъ и положилъ въ немъ грѣховное начало. О возникновеніи поклоненія Керемету казанскіе черемисы рассказываютъ слѣдующее: когда человѣческой родъ размножился и раздѣлился на нѣсколько племенъ, то Юмо захотѣлъ каждому племени дать свою религію, для чего всѣмъ родоначальникамъ велѣлъ собраться къ себѣ въ одинъ день. Но Кереметь, явившись въ образѣ человѣка, оставилъ черемисскаго родоначальника, который торопился къ сроку, назначенному Юмою, и до того занялъ его разговорами, что черемисскій родоначальникъ пропустилъ назначенный срокъ. Затѣмъ черемисскій родоначальникъ, распросившись, поспѣшилъ къ Юмѣ, но на дорогѣ встрѣчаетъ другаго родоначальника, который сказалъ, что Юмо «уже роздалъ всѣмъ вѣры, а такъ какъ ты не явился по повелѣнію Юмы и послушался Керемета, то тебѣ Юмо велѣлъ поклоняться Керемету». Въ это же время съ березы слетѣлъ, въ видѣ селезня, Кереметь и заставилъ черемисскаго родоначальника кланяться себѣ; съ тѣхъ поръ и всѣ черемисы должны были почитать Керемета.

Вятскіе же черемисы поклоняются Керемету совсѣмъ на другомъ основаніи. По ихъ рассказамъ, Кереметь былъ сначала просто бѣглый человѣкъ. Этотъ бѣглый бродилъ по лѣсамъ и началъ обижать черемисъ. Тогда послѣдніе собрали совѣтъ и порѣшили поймать и убить разбойника. Пошло много народу на поиски. Одинъ взялъ топоръ, другой заступъ, третій толстую веревку и т. д. Однажды удалось черемисамъ поймать этого бѣглеца и одинъ успѣлъ уже надѣть ему на шею петлю изъ веревки, но бѣглець вырвался и убѣжалъ. Черемисы кинулись за нимъ въ погоню, и когда бѣглець добѣжалъ до большой рѣки и никуда не могъ уже скрыться, то бросился неожиданно въ воду вмѣстѣ съ веревкой на шеѣ, которую еще не успѣлъ съ себя скинуть. «Если такъ хотѣли меня кончить,—сказалъ онъ,—то я умру въ водѣ, за то буду вамъ вмѣсто чорта!» Только и слышали черемисы. Веревка, накинутая на шею его, долго еще виднѣлась надъ водою. Растерявшіеся черемисы, указывая на

веревку, начали кричать: Кереметь, Кереметь ¹⁾—«веревка-то твоя». Съ тѣхъ поръ бѣглый сталъ чортомъ и получилъ названіе Керемета. Три дня Кереметь лежалъ въ водѣ — на четвертый пошелъ обходить черемисскія избы. Въ ту самую избы, въ которую пришелъ Кереметь, вскорѣ явился угодникъ Николай ²⁾ въ образѣ сѣдого старичка и спрашиваетъ старуху, мать семейства: «не приходилъ ли къ тебѣ повенькій человекъ?» Нѣтъ, не приходилъ, сказала старуха. «Какъ не приходилъ? зачѣмъ чорта таишь, что у тебя въ клѣтѣ скрылся? за то пусть онъ тебя мучить и живи отнынѣ съ нимъ вмѣстѣ»,—сказалъ и исчезъ. Тогда Кереметь вышелъ изъ клѣтки и говоритъ: «хорошо, старая, что ты не сказала про меня, а то бы онъ меня прогналъ. А теперь будь ты мнѣ другомъ; вари мнѣ кошту ³⁾, вари пѣтуха». Баба накормила Керемета; послѣ того онъ ушелъ въ лѣсъ. Вскорѣ старуха захворала и видитъ во снѣ Керемета, который ей сказалъ: «я голодець; вели нести мужу утку въ лѣсъ и будешь здорова». Такимъ образомъ заставилъ Кереметь черемисъ поклоняться себѣ въ лѣсу ⁴⁾. Этотъ рассказъ часто можно слышать въ котельническомъ и малмыжскомъ уѣздахъ, вятской губ., и между свѣдущими черемисами этихъ уѣздовъ представленіе о происхожденіи Керемета изъ бѣглаго человекъка повидимому очень распространено. Напротивъ о братскомъ родствѣ Керемета съ Юмой эти черемисы ничего не знаютъ; намъ по крайней мѣрѣ никогда не приходилось слышать отъ нихъ что-либо подобное. Въ разрѣшеніи нашего вопроса о различіи религіи черемисъ и вотяковъ такое представленіе котельническихъ и малмыжскихъ черемисъ о происхожденіи Керемета изъ бѣглаго человекъка имѣетъ ту важность, что вятскіе вотяки, находившіеся всегда въ сосѣдствѣ съ котельническими и малмыжскими черемисами, удержали какъ разъ представленіе о братскомъ родствѣ Керемета и Инмара, котораго придерживаются также и черемисы казанскіе. Но и здѣсь всякій легко можетъ убѣдиться, какая разница существуетъ въ религиозныхъ представленіяхъ того и другого народа. Повѣрья вотяковъ о происхожденіи Керемета и о первомъ твореніи скорѣе имѣютъ много сходнаго съ пред-

¹⁾ Кереметь по черемисски значитъ веревка, отъ *керемъ*—веревка и *тъ*—притягательное мѣстоименіе второго лица. Э—соединительная гласная для благозвучія.

²⁾ Черемисы, также какъ и вотяки, почитаютъ Николая, какъ изгнателя бѣсовъ.

³⁾ Любимое черемисское кушанье—бульонъ изъ крови животнаго.

⁴⁾ Вятскія епархіальныя вѣдомости 1866 и 1869 г.: О религіи некрещенныхъ черемисъ, Филиппова.

ставленіями христіанскими. Такъ происхожденіе Керемета, какъ представителя нечистой силы, вотяки объясняютъ, какъ мы уже видѣли, при помощи превращенія изъ добраго духа; жительство первыхъ людей вотяками опредѣляется, какъ и въ христіанскомъ ученіи, въ раю или прекрасномъ саду; предметомъ для искушенія со стороны Керемета является первая жена, а средствомъ—запрещенный плодъ, кумышка; и наконецъ, первые люди послѣ искушенія становятся грѣховными, теряютъ безсмертіе и изгоняются изъ рая. Мы не думаемъ однако, чтобы у вотяковъ въ этомъ случаѣ существовало простое заимствованіе отъ христіанъ, потому что въ вѣрованія рядомъ съ тѣмъ входятъ такія особыя черты, какъ представленіе о вторичномъ твореніи людей и о продолженіи творенія по настоящее время, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ христіанству. Такого представленія о вторичномъ твореніи человекъка и творенія по настоящее время, какъ извѣстно, не существуетъ и у черемисъ. Больше сходства между черемисскими и вотяцкими божествами, населяющими воду и лѣсъ. Черемисскій Тенгесъ-Юмо—богъ морей, совершенно соотвѣтствуетъ вотяцкому Ву-Муртъ. Но, кромѣ того, по понятіямъ черемисъ, въ каждомъ ручьѣ или озеркѣ находится особый водный духъ—Бодошъ, проказы котораго незначительны. Въ отношеніи лѣсныхъ божествъ вотяки пошли дальше черемисъ. Первые населили лѣсъ тремя сильными божествами—Алида, Нюлезъ-нюня и Албастый, въ то время какъ по понятіямъ черемисъ въ лѣсу живетъ незначительный Бодошъ (какъ и въ водѣ) съ товарищемъ Торвалтышъ. Хотя черемисскій Бодошъ и пугаетъ иногда черемисъ въ лѣсу и путаетъ имъ дорогу, но стбитъ только перемѣнить лапти съ одной ноги на другую и разрушатся всѣ старанія Бодоша. Послѣдній самъ по себѣ такъ незначителенъ, что черемисы ему вовсе не поклоняются. Кромѣ того, по понятіямъ черемисъ, на земномъ пространствѣ существуетъ множество всякихъ духовъ, вредныхъ и добрыхъ, которые наполняютъ поля, селенія, амбары, избы, хлѣвы и т. п. Между ними существуютъ духи мужескаго и женскаго рода, напр. Суртле-Кугузя (домовой дѣдушка) и Суртле-Куба (домовая бабушка), Покшемъ-кугузя (морозко-дѣдъ), Покшемъ-куба (морозко-бабушка) и т. д. У вотяковъ же, какъ мы видѣли, роль духа или домашняго пената исполняетъ только Воршудъ. Относительно загробной жизни черемисы, какъ и вотяки, вѣрятъ въ безсмертіе души и представляютъ будущую жизнь мало отличною отъ настоящей, т.-е. тамъ будутъ также жены, семьи, хозяйство и различ-

ныя запятія. Сообразно съ этимъ черемисы, также кают и вотяки, кладутъ въ гробъ съ покойникомъ всѣ необходимыя въ хозяйствѣ вещи. Послѣ смерти каждый черемисинъ является на судъ Кіашатъ-тора (первый покойникъ), который однихъ щадить, а другихъ за дурныя дѣла на землѣ отсылаетъ въ котель съ кипящею смолою. Этому Кіашатъ-тору черемисы молятся и приносятъ жертвы во время поминокъ; между тѣмъ какъ вотяки въ этомъ случаѣ призываютъ Инмара.

В. Бехтеревъ.

